

ОБРАЗЫ ВОЕННОЙ И ПОСЛЕВОЕННОЙ СИБИРИ В МЕМУАРАХ ВЕТЕРАНОВ (ЗАПИСИ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ НГПУ)

ПРЕДИСЛОВИЕ

С середины 1980-х гг. под моим руководством студенты исторического факультета НГПИ, а затем Института истории, гуманитарного и социального образования НГПУ выявляют или сами записывают воспоминания своих пожилых родственников и знакомых «о жизни в старое время». О мотивах, формах и промежуточных результатах этой работы можно прочесть в предисловии к нашей книге «Родные голоса. Сибирь, XX век»¹, а также в статье, опубликованной в сборнике материалов Всероссийского научного семинара по устной истории². Главным результатом стали многочисленные публикации собранных и созданных нами устных и письменных исторических источников, снабженных научным аппаратом (предисловия, примечания, комментарии) и ждущих своих исследователей.

В данном случае мною предлагается для размещения в «Библиотеке сибирского краеведения» подборка студенческих работ, содержащих выявленные в семейной среде или записанные самими студентами воспоминания ветеранов – сельских жителей и горожан о трагических военных годах и тяжелом послевоенном времени в Сибири. Эти работы были выполнены студентами ИИГСО НГПУ по

---

¹ *Зверев В. А.* Что знается, то и скажется. Коллекция историко-биографических материалов на кафедре отечественной истории // Родные голоса. Сибирь, XX век: мемуары из коллекции кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск: НГПУ, 2008. Вып. 1. С. 3–11.

² *Зверев В. А., Косякова Е. И.* Услышанное прошлое. Опыт создания и использования историко-биографической коллекции в педагогическом университете // Устная история (Oral History): теория и практика: материалы Всероссийского научного семинара. Барнаул: БГПУ, 2007. С. 43–54.

моему заданию в 2009–2010 гг., в преддверии 65-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Первая публикация подборки была осуществлена в 2010 г. в сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции, проведенной в НГПУ³.

Т. П. Власенко

Новосибирский государственный педагогический университет

«МЕНЯ ГОСПОДЬ БЛАГОСЛОВИЛ». ЭПИЗОДЫ ЖИЗНИ С ВЕРОЙ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. Д. ВЛАСЕНКО)

Здесь приводятся воспоминания моего деда – Власенко Евгения Демьяновича, записанные мною 24 декабря 2007 г.

Дедушка родился в 1923 г. в Новосибирске. Воспоминания представляют собой рассказы об отдельных эпизодах его жизни и не являются целостным повествованием. Публикуемый текст создавался на основе диктофонной записи, которая осуществлена и расшифрована мною. В текст внесены незначительные изменения упорядочивающего характера.

Тимофей Власенко

Хочу здесь воспроизвести воспоминания по просьбе Тимы.

Одно воспоминание такое: я учился уже в 10 классе и немножко запустил, однажды, урок по химии. Там тема называлась «Альдегиды и кетоны». А надо было сдать вовремя, и сидел я, помню, до часу ночи – зубрил, зубрил, чтобы этот пропущенный материал воспроизвести. Ну, конечно, я его сдал в то время. Помню, это был, значит, 41-й год.

Закончили 10-й класс мы в начале июня, а 22 июня началась война, и в этот же год я оказался на фронте под Москвой. Вспомнил такой эпизод: иду в селенье (или в городе каком мы были?). Зашел в разбитую школу, на второй или третий этаж поднялся. С автоматом я был, вооруженный... Иду по коридору, смотрю: разбросанные книги, учебники разбросанные. Я подхожу к одному учебнику, поднимаю, а это был учебник химии. Поднимаю его и смотрю на страницы –

---

³ Образы военной и послевоенной Сибири в мемуарах ветеранов (новые записи студентов-историков) / под ред. В. А. Зверева // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета. Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 324–357.

«Альдегиды и кетоны». Прошло что-то около года, и как-то меня это за сердце схватило – вот в прошлом году только я сдавал экзамен, а вот теперь вижу эту же книгу, эти задания – «Альдегиды и кетоны».

После ранения я приехал в Новосибирск. Никакой профессии у меня не было, окончил, правда, до этого 10 классов. Куда идти, что делать? Меня хотят послать куда-то на вспомогательный завод (потому что время было еще военное), чтобы я отрабатывал чего-то. Мне хотелось поступить в какой институт, а военкомат меня не отпускал – хотел послать на какой-то завод. В это время встречаю свою одноклассницу – Володину Аню, помню. Она говорит: «Женя, а ты поступай на подготовительное отделение». Написал заявление в подготовительное отделение, поступил, получил справку и принес в военкомат: «Вот я поступил на подготовительное отделение». Меня отпустили, и таким образом я проучился месяц или два на подготовительном отделении и поступил в институт. В Железнодорожный институт, он назывался НИВИТ – Новосибирский институт военных инженеров транспорта.

Проучился я около года – узнали, что я верующий. Начальник института как-то недоброжелательно посмотрел и говорит: «Ты на дипломе будешь должен написать: “Делу Ленина-Сталина предан”. Он мне [таким образом] сделал намек: “А ты кто такой?” А я был предан не делу Ленина-Сталина, а Христу был предан. Короче говоря, пришлось мне просто оставить этот институт.

Я начал искать родственные институты, по справочнику узнал, что таких институтов двенадцать. И один из них есть в городе Ташкенте. Я решил тогда поехать в Ташкент и поступил на 2 курс. Там тоже была община евангельских христиан-баптистов. У них не было места, где собираться. И они стали молиться о молитвенном доме, чтобы дали участок. И меня подключили (я ходил на собрания): «Евгений, мы хлопочем, чтобы нам разрешили молитвенный дом построить». Я как участник войны подписался на прошение. В институте узнали и стали меня, так сказать, «исповедовать». В общем, длилось это так, что пришлось мне и этот институт оставить.

Приехал я опять в Новосибирск, стал молиться: «Куда же мне теперь идти?» Пошел на Завод полупроводниковых приборов, недалеко от площади Калинина. На меня посмотрели: «А, ты со 2-го курса». Там организовывалось конструкторское бюро, послали меня в это бюро, я сел за стол. Слева сидит молодой человек, моложе меня, и перед ним какой-то чертеж, сложный чертеж. Я посмотрел на этот чертеж – ничего в нем не понимаю. Думаю: «Какой я болван: этот человек что-то понимает, а я нет». Но он техникум, правда, кончил, а я думаю: «Как я буду работать?».

Но, оказывается, меня Господь благословил. Я не только стал эти чертежи

понимать, а сам создавать их. Короче говоря, стал конструктором и простоял у конструкторской доски 30 лет. Так закончил, заочно уже, институт машиностроительный в Москве – [по специальности] «Металлорежущие станки и инструменты». В это время и женился, и приобрел себе жену и детей.

[Помню из довоенного детства]. К нам на квартиру [в Новосибирске] поступил один брат – бывший комиссар [Губанов], который организовывал советскую власть [в своей деревне]. Когда он уверовал, тогда пришел в сельсовет, вытащил свой наган, кобуру, портупею, положил на стол и говорит: «Вот ваша дуга, вот вам ваша кобура, я вам больше не слуга!» И со своими детьми был у нас на квартире. А я ему пропел песню, которой нас научили в 1 классе (это был 1 или 2 класс). Песня так звучала:

*«Ай, вы, пионеры, Богу малoverы,
Где же ваша Троица?»
«Наша троица
В три шеренги строится,
Вот где наша троица».
«Ай, вы, пионеры, Богу малoverы,
Где же ваша Пасха?»
«Наша пасха – выдумана сказка,
Вот где наша пасха».*

«Женя, что ты поёшь? Женя, что ты поёшь? Посмотри на мир другими глазами, – Губанов Георгий говорит. – Женя, может быть, ты доживешь до того времени, когда этот коммунизм развалится». И прочитал мне 1-ю главу от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков». И тогда я, действительно, посмотрел на мир другими глазами. Пожелал найти верующих, стал ходить в церковь.

Мои дедушка и бабушка – из Могилевской губернии. Они поехали на Дальний Восток на своих лошадях, потому что там давали больше земли. Из Могилевской губернии они доехали до Хабаровска, там приобрели дом и какое-то время жили. Но дедушке что-то там не понравилось, и тогда он повернул оглобли и поехал обратно в Могилевскую губернию, вместе с моей мамой, которая там родилась. Доехали до Новониколаевска, а тут революция... Бах, революция – и деньги у них пропали. У них деньги какие-то были, керенские, что ли (они там [в Хабаровске] дом продали), и деньги пропали. И они осели тут.

Осели, осели, осели, и до сих пор так. Тут моя мама выросла, тут и мой папа оказался, тут и я родился. Вот таким образом я не могилевский, но бабушка у меня из Могилевской губернии. Вот таким образом я оказался сибиряком. Она [бабушка]

говорила по-белорусски. И недавно послал я письмо в Минск и написал: «Моя бабушка, белоруска, записала железным резцом в меня песни, которые она пела мне по-белорусски, но у меня нет Библии на белорусском языке. Я прошу вас, пришлите мне Библию на белорусском языке. Я хочу получить Библию именно на белорусском языке».

А то, что я знаю маленько немецкий язык, это достоинство Лоттера Больца. Он сбежал [из фашистской Германии] ... или как-то по-другому, но оказался в России. Он был коммунист. Восьмой, девятый, десятый классы, 55-я школа. Заходит в кабинет Лоттер Больц, открывает дверь – и по-немецки сразу... У нас сразу такая мысль – в уме мужик или нет, что он бормочет по-немецки. А он, оказывается, в уме был! Три года только [преподавал], по два раза в неделю, и всё только по-немецки.

Потом уже, после войны, читаю в немецкой газете поздравление Лоттера Больца с 80-летием. И я решил ему написать письмо. А он мне отвечает: «О, Евгений, как у тебя судьба сложилась? Пиши по-немецки или по-русски». Письмо я ему написал, что у меня трое детей (или двое у меня было тогда?), что я фронтовик, и в конце написал: «А с 1945 г. я являюсь членом новосибирской общины евангельских христиан-баптистов». Ответа нет и нет. Я думаю: может, на границе письмо не пропустили. Я попросил нашу сестру, которая жила в Германии, и она опустила это письмо в Германии, так что оно не могло не дойти до него. Ответа нет и нет.

Не захотел Лоттер Больц знаться с верующим. А он в то время был министром иностранных дел Германской Демократической Республики. А через три года встречаю тот же портрет в газете, только обвит рамочкой – похороны... Лоттер Больц умер.

Учителем всех моих пятерых детей был Русаков Борис Александрович, кандидат педагогических наук. Он нам сначала не говорил, а оказывается, у него папа и мама были верующие-баптисты. Он написал стихотворение, называется «Черточка». [Стихотворение приводится в обработке Е. Д. Власенко].

Черточка

*На плите могильной, где венок истлевший,
Год стоит рождения, год, когда почил.
Как итог всей жизни, быстро пролетевшей,
Черточку меж ними кто-то прочертил.*

*В черточке той много бурного веселья,
Шум аплодисментов и восторгов гром,
Важных и великих в мире этом целей –
То, что ныне густо поросло бльем.*

*Но один вопрос тут мне хочется задать:
Сколько время жизни отдал суете?
Время краткой жизни ты на что потратил?
Знал ли ты надежду вечную в Христе?*

*На плите могильной, где венок истлевший,
Год стоит рождения год, когда почил,
Как итог всей жизни, быстро пролетевшей,
Черточку какую ты жизнью прочертил?*

Л. Г. Клименко

Новосибирский государственный педагогический университет

«РАБОТАЛИ, КАК БЫКИ». И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ А. С. БАЖЕНОВОЙ

Жительнице с. Мироновка Чистоозерного р-на Новосибирской обл. Баженовой Анне Степановне 92 года. По состоянию здоровья бабушка проживает в семье своего младшего сына Николая. Ее считают старожилом села – она здесь единственный человек, доживший до такого глубокого возраста. Односельчане привыкли называть Анну Степановну Галиной, так как в ее семье было две Анны. Из девяти ее детей в живых осталось всего четверо. Две дочери, Людмила и Александра, умерли взрослыми, трое не выжили в детстве.

Во время беседы бабушка чувствует себя бодро, беспокоил только шум в голове, а вот всю жизнь она помнит до мельчайших подробностей. Рассказывает с удовольствием, всё ей хочется упомянуть, даже не знает, с чего начать. Я задавала наводящие вопросы, на которые бабушка по возможности давала ответы, хотя часто уходила в сторону, начинала сравнивать нынешние и былые времена. Сама задавала мне вопросы личного характера, также с целью сравнения. Зафиксировать дословно ее речь мне, к сожалению, не удалось – она несет ярко выраженный и не всегда понятный украинский акцент. Поэтому в публикации я веду повествование от своего лица, вставляя, однако, в текст обработанную речь автора воспоминаний.

Беседа длилась больше часа. Под конец Анна Степановна перешла на личную тему, расспрашивала о новостях, рассказывала, о чем осведомлена сама. Женщина достаточно свободно ориентируется в проблемах современного общества. Основным источником информации является телевидение и, конечно, родная газета, с которой она не расстается с молодых лет.

Свое значение для истории Анна Степановна понимает без подсказки. Говорит, что никто не знает, как раньше было, кроме тех, кто видел это своими глазами, испытал всё на себе. Заметно, что есть темы, которые тяжело затрагивать. Воспоминаний из детства осталось меньше, чем из взрослой жизни. «Рассказать всё

невозможно, не переслушаешь всего. Да и кому это интересно сейчас», – сетует бабушка. Становится больно на душе оттого, что мало таких людей, которые не в силу своей профессии, а из собственных интересов и побуждений ценят и хранят в памяти волнения и переживания, радости и печали тех, кому мы обязаны жизнью.

Лилия Клименко

Родилась Галина 1 марта 1917 г. в с. Мироновка в семье середняка Степана Гундаря, который вместе со своей семьей в 1910 г. пришел в деревню из Полтавской губ.

«Люди тогда землю любили, она их кормила, вот и шли за тысячи километров в поисках лучшей доли. А в Сибири земли вольно было – бери, сколько обработать сможешь. Мужики сначала сами отправлялись – место обустроивали, а потом за семьей возвращались. Тяжело и страшно было, шли-то пешком, редко у кого кони были. Много так и не дошло – померли в дороге от холода да от голода. А еще и убивали часто, деньги отбирали. Помню, кто-то рассказывал, как шли два мужика, и напал на них мошенник, деньги хотел отобрать. А те слова какие-то знали, шепнули их, так он как пустился в пляс, упал на колени, да давай молить, чтоб отпустили, так и ушел восвояси! Хоть и трудно было, а людей пришло много, целая деревня образовалась из переселенцев. А до этого здесь чалдоны жили.

Пришла и наша семья, землю стали делить. Выходили в поле, делили и землю, и леса, так они и до сих пор называются по фамилиям хозяев. Как землю получили, стали хату строить из пластин (верхнего слоя земли). По тем меркам мы жили неплохо. Хозяйство тогда было единоличным. Держали лошадей, коров, свиней, овец, птицу всякую. Без коровки прожить было невозможно. Правда, раскулачивали часто: если два коня держишь, значит, кулак (смеется. – *Л. К.*).

В Мироновке я закончила 4 класса, а дальше училась в Романовке, там было семь классов. Каждую зиму пешком туда ходили, а чтоб не заблудиться, делали из камыша вешки и ставили их в снег, они и спасали.

Ой, тяжело было раньше жить, как вспомнишь – не дай Бог такой жизни никому! Работали, как быки! Всё делали сами, в магазине ничего не покупали, только сахар. Одежду ткали, тулупы да жакетики мужикам. На зиму валенки катали тоже сами, а летом босиком ходили. Воспитывали нас строго, но бить – никогда не били. А меня жалели даже, как самую меньшую.

Работать я в 12 лет пошла – на гребки в колхоз. Ох, и не хотели люди в колхозы идти, бо всю скотину приходилось отдавать, даже кур. А кто не хотел, того насильно гнали. Спротивлялись люди, прятались и в погреб, и куда только можно. Помню, соседу нашему ногу прострелили из-за того, что в колхоз не

хотел идти. А сколько партия людей сгубила! Ходили прям по дворам, в партию людей заставляли вступать, допрашивали: если верующий человек, в партию нельзя. Многие отрекались от Бога, лишь бы на хорошую должность назначили.

Раньше ж люди в Бога верили, не то, что сейчас. В деревне у нас молебный дом был, батюшка к нам из района приезжал. На праздники божественные строго молиться ходили. Готовились к ним, праздновали. Чтоб в праздник работать – Боже упаси! У нас мать была очень набожной женщиной и нас к Богу приучила. А что советская власть натворила: церквушку разгромила, иконы попалила, отлучила, проклятая, людей от Бога! А мы, дурные, ей потакали, собирались, плакали, что Сталин заболел.

В 18 лет меня замуж выдали. Муж мой Николай сам был из-под Ленинграда. Разница в годах у нас в 11 лет с ним, и ничего – жили! Свадьбы, правда, у нас с ним не было, сошлись так. Жили с его матерью до самой ее смерти. Она была очень хорошей женщиной, детишек наших сильно любила. У нас первые двойняшки были, так она им и рубашечки одинаковые шила. Только умерли они маленькими от скарлатины. Тогда от нее много людей умирало. Так свекровь моя больше нас за мальчиками переживала.

А потом мы уже свой дом из самана построили. Саман делали из белой глины, ее за озером да в колках брали. Хатки раньше небольшие были, пол земляной, потолок из соломы. Бедно люди жили, страшно сказать. Хотя не все одинаково – кто лучше, кто скромнее. Мы не голодовали, еда у нас была: борщ варили каждый день, картошку тушили, вареники лепили.

Культуры не было никакой. Корова с теленком всю зиму в хате стояла, тут и мы ее доили, и теленок сосал. Дойки коровьи делили: две теленочку, две нам. Вши да клопы покоя не давали, заедали страшно. Клопы в кроватях деревянных заводились, от вшей отбою не было. А выводить нечем было, кроме керосина. Бывало, в поле на привал сядем и друг до друга: “А ну, подывысь до мэнэ у голову!” Одна отрада была – баня. Мылись регулярно.

Топили соломой да кирпичами из навоза. Мыло сами делали из мяса, непригодного для еды; варили его до кипения, а потом нарезали кубиками. В каждом дворе был колодец, только вода была в нем солоноватая. За водой для питья ходили с коромыслом на ферму.

Женщинам раньше трудно было, работали они и в колхозе, и дома. Мужики-то скотину управят, да и ладно, а женщины и варили, и стирали, и убирали, и за детьми глядели. Ночами и то работали, пряли да ткали.

А детей рожали, сколько Бог даст, об абортах и понятия не имели. Я сама девятерых родила. А были семьи – и по 10, и по 15 детей имели. Роды принимали

бабки, их повитухами звали. Они, бывало, и крестили на месте. Только выживали детки не все, медицина-то какая была? Фельдшеры были, да толку от них мало, лекарств вечно не было. Лечили, чем придется. Помню, от простуды хорошо помогал сок муравьиный.

А краситься мы понятия не имели, из косметики одна пудра была. И платье на выход одно было. Придешь, было, с гулянки, снимешь его, спрячешь и до следующего раза не достаешь. И валенки одни были на всю семью.

Молодыми были, на Святки гадать любили: и петухов в хату заносили, и валенки за ворота бросали, и в зеркало смотрели. Весело, интересно было. Как бы тяжело ни было, а гулять любили. Свадьбы гремели по селу, не умолкая. По вечерам с гармошкой да с песней ходили по улицам. Без песен не отдыхали и не работали. На работу с песней, с работы – тоже. То ли жить она нам помогала – не знаю... Но без нее никуда! И выпивали тоже, как же без этого?! Только меру знали, не было таких, чтоб запивались.

Работа не давала расслабляться. Помнится мне, раньше столько самолетов над нами кружило, прямо спать не давали, высматривали всё, где полезные ископаемые в земле есть. Раньше как-то всё на быках делали: и пахали, и сеяли, тракторов не было. Помню, как первые тракторы пришли в деревню, вся молодежь на коней, да за деревню – со свистом встречали!».

О войне Анна Степановна вспоминает не очень охотно. Опускает голову и утирает платком наполненные слезами глаза.

«Ой, война – страшно, не доведи Бог ее когда-нибудь еще увидеть. Хоть что, только б не война, а всё остальное пережить можно. Много беды она принесла. Семьдесят душ мужиков из Мироновки забрали, а вернулось человек пять, не больше. Военкомат и сам не знает, сколько их вернулось, да кто их тогда считал!

И моего Колю забрали в 41-м году. Помню, как провожали... Ездил в Татарск встретиться с ним, сумку отвозила. Там эшелон шел с военнослужащими. Приехала на вокзал. Там ни души, одна я сижу на бревнах, жду поезд. Ох, и сумно было, когда эшелон проходил. Картина эта до сих пор перед глазами. Коля выпрыгнул из вагона, сумку подхватил – и обратно.

Хлебнула я тогда горя. Пошла почтальонкой работать. Конь у нас был, он и выручал. Днем почту развозила, а деревня раньше большая была, все газету выписывали да вестей с фронта ждали. Похоронки каждый день шли, как меня за них только ни кляли. С утра на лошадь, запряжешь, сумку большущую в руки, и до позднего вечера.

А как развезу всё, телегу на ферме беру и за соломкой да за сеном на поля (там снопа стояли). Волков в войну шибко много было... То ли война их нагнала?

Как свечерееет, так они бегут в село, в сарай через крышу залазили да овечек воровали, и свиньями не брезговали. Поросят уводили легко: один за ухо из сарая вытаскивает, другой сзади подгоняет. Поехала раз за сеном, да вернулась, в лес глянула, а там только глаза их сверкают. Они хоть людей и не трогали, все равно страшно было. Что от них от голодных ждать можно?

Настрадались за войну все, не только мужикам досталось. Всё на женские плечи легло. Всё, что было, на фронт сдавали. Яйца, молоко, мясо, хлеб отправляли, одежду шили. Дети сызмальства работали: никто их не принуждал, жизнь заставляла.

Колю моего сначала на восток отправили, а потом на запад перекинули. Письма были нечастыми. Через некоторое время раненый пришел, побыл полгода дома, чуть поправился и обратно на фронт. Да, что пережили – не дай Бог никому.

Холода раньше сильные были, людей замерзало много. А снега сколько, задувало так, что из хаты не выйдешь. Чтоб до сарая дойти или на дорогу выйти, туннели рыли. Женщина одна поехала на быках в лес за дровами, метель сильная ее застала, так и замерзла вместе с быками, нашли только по весне. Но ничего, войну прошли. В 45-м году Коля вернулся, правда, контуженный.

Детки у нас после войны пошли: Люда, Толя, Шура, Ваня, Коля. Жить стали, детей растить. От войны стали помаленьку оправляться. И всё бы хорошо, только контузия о себе не давала забыть. В 1958 г. не стало мужа, самому маленькому сыночку два годика было.

Осталась я одна с пятью детишками на руках, мал мала меньше. Пуще войны мне это время запомнилось. Чуть с ума не сошла, до сих пор не пойму, как всё пережить смогла. Теперь поняла, что Господь помог. Да и люди не меньше Его. Благо, раньше жили меж собой дружно. В беде никого не оставляли. Помогали, кто чем мог. Если кто-то картошку не успел докопать или еще что. Помочь надо обязательно. Да родня Колина хорошо выручала, спасибо им всем. Так и подняла детей на ноги. Все людьми стали.

А теперь жизнь не такая, как раньше. Жить надо и радоваться. Куда еще лучше жить-то? Если б сейчас мертвые встали да посмотрели, какая нынче жизнь, то сказали бы, что мы в раю живем (смеется. – Л. К.)! Только вот в Бога верить надо, молитвы читать, Он всегда поможет. У нас хоть Библии раньше не было, зато мы так молитвы знали. Как иду куда-нибудь, или за дело какое берусь, всегда говорю: “Господи, благослови!” – и всё получается!

А о прошлом я не жалею – прожила жизнь, как знала. Менять бы ничего не стала. Теперь осталось только жить да смерти ждать. Как говорится: “Двум смертям не бывать, а одной не миновать!”».

Д. В. Кравченко

Новосибирский государственный педагогический университет

СУДЬБА НЕМЕЦКОЙ СЕМЬИ ПО РАССКАЗАМ БАБУШКИ ГИЛЬДЫ

В этой работе представлены воспоминания моей бабушки Гильды Карловны Кравченко. У бабушки были нелегкие детство и молодость, но благодаря железной воле и крепкой выдержке она шагала вперед. Ее не сломали ни война, ни голод, ни холод, ни унижения. И она добилась уважения и почета со стороны друзей и врагов!

Если судить о ней объективно, то это добрый и ранимый, но строгий человек. Многие восхищаются умом и силой духа моей любимой бабушки! Я считаю, что надо прислушиваться и принимать пережитый опыт наших бабушек и дедушек. Очень жалею, что у меня осталась только одна бабушка. Все то, что она говорит и советует, всегда стараюсь слушать и запоминать.

На сегодняшний день моей бабушке 71 год, она всего год на пенсии, до которой 53 года работала в школе учителем немецкого языка. В ходе моих расспросов и записей бабушка часто не могла говорить и много плакала, поэтому моя работа не совсем складно изложена.

Первые записанные данные о семье бабушки известны с 1813 г. Прадед бабушки Яков Бард переехал из города Марбаха в немецкое поселение Гильдендорф, что расположено недалеко от Черного моря. Это место было песчаным и не приспособленным к жизни, но, как утверждают записи, немцы засадили эти места красивыми деревьями и виноградниками.

У моей прабабушки Паулины Даниловны было три сестры и трое детей, одним из которых был отец моей бабушки. Она работала поваром в колхозе, муж погиб в 1914 г. на войне. Еще прабабушка была народной целительницей, она лечила многих людей. Она знала польский, украинский, немецкий и русский языки.

Бабушкин папа Карл Христофорович служил на Дальнем Востоке в 1930-х гг., работал в колхозе столяром и резчиком по дереву. Мама Эмма Адамовна

работала швеей, и у бабушки были самые нарядные платья.

Итак, моя бабушка родилась в 1938 г. в семье Sommerfeldов. Деревня Гильдендорф (в настоящее время – Красноселка) находится в 8 км от Одессы. Деревня разделена речкой на две части (названия у реки не было). Дом, в котором жила семья, построил бабушкин отец на берегу реки. Маленькая Гильда часто оставалась с бабушкой и помогала заниматься хозяйством: пасла гусей, убиралась в доме, помогала готовить еду и т. д.

Хозяйство – две лошади, корова, свиньи, куры, гуси, яблоневый сад, огород и бахча, или баштан с арбузами. Семья каждое воскресенье ходила в деревенскую церковь, соблюдали все религиозные праздники. Когда ее бабушка охраняла арбузы на бахче, маленькая Гильда везла ей обед на лошади и возвращалась тоже самостоятельно.

Когда началась в 1941 г. война, люди в деревне этому не верили, но после первой бомбежки сомнений уже не осталось. Сначала все укрывались в катакомбах и погребах, маленьких детей прятали в сундуки. Но вскоре возвращаться стало некуда, и люди решили эвакуироваться. Все собрали свои вещи на телеги и поехали к поездам, но по дороге приходилось бросать телеги, тут же вязать узелки и двигаться дальше.

Потом всех посадили в вагоны, в которых перевозят скот – теплушки. Повезли вглубь страны, но вскоре поезд отбили немцы (при этом разбомбили два последних вагона, и родители моей бабушки погибли). Поезд тронулся теперь в сторону Германии. Ехали через Польшу, Болгарию, Сербию. В вагонах было ужасно холодно, и был сильный голод. При переезде через каждую границу проводился тщательный осмотр. Всех заводили в баню, раздевали, мыли, и на выходе была уже новая одежда. Но были и такие бани, где вместо воды пускали газ, и люди погибали там. Также был жестокий отбор людей по цвету глаз и волос. Бабушка вспоминает, что во время досмотров усиленно искали евреев. Всех мальчиков отбирали независимо от национальности, и поэтому маленький брат бабушки Витя всю войну проходил в девичьем платье.

Когда приехали в Германию, сначала жили в городе Бухенвальде в трехэтажном доме на первом этаже. Здесь кормили и выдавали одежду. Недалеко от дома был концлагерь, в котором содержались только женщины и дети. Каждый день Гильда с бабушкой кидали через забор продукты заключенным: хлеб, картошку. Однажды их увидел немецкий солдат и чуть не расстрелял обеих.

В 1944 г. переехали в город Гибельрот. В Гибельроте семье дали небольшой домик. В доме было два этажа, на втором этаже находился склад с одеждой, которую разрешили брать семье Sommerfeldов. Кофта, которую взяла моя

прабабушка, хранится и сегодня у нас дома. Самое поразительное, что за такой большой промежуток времени она выглядит как новая. Всю войну вся семья спала в одежде – для мобильности, все документы хранились у бабушки в сумке, которая висела на шее. В Гибельроте у них был очень интересный дедушка-немец, который развлекал маленьких детей фокусами и шутками. Бабушка вспоминает, что он угощал их хлебом и яйцами.

В 1945 г. рядом появился лагерь советских солдат, к которым ходили Паулина Даниловна с Гильдой. Русские солдаты сказали, что война кончилась, и всех ждет свой дом на родине.

9 мая 1945 г. семью вызвали в комендатуру и поставили перед выбором: остаться в Германии или ехать в Советский Союз. Семья Соммерфельдов решила ехать домой. До Польши ехали на телегах, но по дороге телега сломалась, и пришлось идти пешком до поездов, которые отправлялись на Родину. Поезда украсили, всех посадили в уже знакомые теплушки и повезли.

Вскоре все поняли, что в Одессу их никто не привезет. И к декабрю поезд приехал в Томск. В Томске их определили на лесозаготовку (на 86 участок). Жить пришлось в бараке, где была одна печь в углу. Семье достались самые крайние нары. Спали в одежде, наутро волосы примерзали к стене. Есть было нечего, и все обменивали одежду на картошку, репу, тыкву. Всех, кто мог работать, отправляли на лесозаготовку. Многие умирали от голода или замерзали. Выживали за счет леса: ходили за ягодами, грибами, щавелем, луком. С семи лет моя бабушка работала нянькой за еду, первый раз попробовала молоко только в 12 лет.

Моя бабушка научилась читать еще до школы и всегда стремилась к знаниям. Все отговаривали ее идти в школу, но она все же пошла. В школу надо было ходить за 4 км по шпалам. С собой ей бабушка давала две картошки.

В декабре 1951 г. семья переезжает в Новосибирскую обл., в Искитим, где приходилось жить восьми людям на 9 квадратных метрах. Моя бабушка окончила семь классов и пошла работать в детский сад нянечкой, параллельно училась в вечерней школе. После окончания школы поступила в педагогический институт по специальности «Иностранный язык». С отличием окончив институт, начала работать учителем. Вскоре вышла замуж за отставного моряка, моего будущего деда Ефима Ефимовича Кравченко, который трагически погиб в 1977 г.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

**«ПРАВДА – ОНА ВСЕГДА ПОБЕЖДАЕТ». РАССКАЗЫВАЕТ
В. М. НАДЕЛЯЕВА**

Вера Максимовна Надеяева (девичья фамилия – Ладыжец), моя бабушка, родилась 8 сентября 1924 г. в с. Чесноковка Томской обл. Человек она деятельный, почти до 80 лет работала. С 1944 г. живет в Новосибирске, лишь несколько лет назад стала жить на пенсию, а до этого работала. Много всяких историй, с ней происходивших, мне рассказывала. Весной 2010 г. я записал некоторые из них, сохранив определенные бабушкины особенности повествования.

Семья

Мой прадед Максим Федорович Ладыжец приехал в Сибирь из Черниговской губернии. Был он человек образованный, бухгалтер. Прабабка Мария Дмитриевна Сторожева была из местных, сибирская. Работала домработницей у профессора Томского университета. Заработала себе приданое: швейную машинку «Зингер» (вещь по тем временам очень ценную), да платьев несколько. Поженились Максим и Марья и поселились в селе Чесноковка (села уже нет, оно располагалось недалеко от Асино в Томской области). Жили небедно: прадед завел лавку, торговал, в доме только у них во всей деревне пол деревянный был, а не земляной. (Судя по всему, в селе жили переселенцы с Украины и юга России.) Родилось у них восемь детей, выжили пятеро: два брата и три сестры. Максим Федорович умер в 1936 г., Мария Дмитриевна пережила его на 40 лет, вырастила детей и воспитывала внуков.

Болезнь

Когда бабушке было 8 лет, она тяжело заболела то ли тифом, то ли малярией. Докторов тогда мало было, болели часто и умирали, особенно дети. Вот и она уже при смерти была. Прадед ей гроб заказал, платье купил новое, красивое – чтобы в гроб положить. Оплакали ее всей семьей, а она взяла да выздоровела. Сказали ей люди: «Долго жить, Верка, будешь!» А про гроб стали говорить, что это не к добру: есть гроб, значит, скоро покойник в семье будет. И верно – прадед через некоторое время умер (все мы смертны, так что подобные приметы всегда сбываются). А бабушка с тех пор серьезно не болела.

Автомобиль

Первая машина появилась в деревне в конце 30-х гг. Это было выдающееся

событие, так как машины до этого никто не видел. Грузовик на огромной скорости, весь в дыму и пыли, въехал в село. Все дети бежали за ним, нюхали необычный дым – тогда ведь и керосинку не все видели, в деревнях лучиной да салом освещались. Вся деревня вышла поглазеть на это чудо. Приехавшие агитаторы сказали, что скоро появятся и автомобили, и трактора, и комбайны, будет проведено электричество (электричество так и не провели, комбайны там были не нужны, так как хлеб сеяли только для себя, и то не все). Многие даже не представляли, что это такое.

Курица

Бабушка рассказывает: «Было это в 1942 г. зимой. Время было голодное, пахали без выходных, без зарплаты, кормились со своего хозяйства. Как-то в начале зимы пришли милиционеры, сказали, что за неуплату налогов будет произведена частичная конфискация имущества. Налогами тогда давили еще сильнее, чем сейчас. Конфисковали всю скотину, почти все зимние запасы. Мы все в слезы: как жить дальше, нам зиму есть нечего. Никто нас не слушал. Я написала брату, что произошло. Он сказал, что это не по закону, так как мать из-за инвалидности освобождена от налогов. Стали мы ходить, доказывать свою правду, а нас никто и слушать не хотел. Как поступить, не знали: грамотные только я была да Василий (брат), только вся моя грамота – 8 классов, а Васе не до того было.

Решила я тогда Сталину написать про это. Написала, но ответа не получила. Кое-как зиму прожили, – спасибо добрым людям. И вот что по весне случилось. У нас из скотины уцелела курица (спряталась где-то, пока конфискация шла), так вот однажды утром курица эта начала кричать петухом. Мы все переполошились: “Что еще за напасть?”, приметы всякие страшные вспоминаются. Но произошло чудо, – письмо мое дошло до Сталина, и из Москвы пришел приказ всё наше добро вернуть. Скотина наша вернулась с приплодом, да еще отъевшаяся на казенных харчах».

Николай чудотворец

Бабушка продолжает рассказ: «Случилось это уже после той истории с курицей. У матери после смерти отца стали иногда случаться эпилептические припадки, а после конфискации случались почти каждый день. Мы, дети, боялись этих припадков, не знали, что делать, и только плакали. Однажды летом работала я в огороде, вдруг появился незнакомый мужчина и попросил попить. Я провела его в дом, мать подала ему кружку молока, и тут у нее начался припадок. Мужчина взял ее за руку, она успокоилась, и он ей сказал: “Ты, Мария, больше болеть не будешь”. Сказал он это и ушел. В деревне его никто не видел. У матери с тех пор припадков не было. Она была

женщина верующая, сказала мне тогда, что это был святой Николай, а я потом в церкви его образ увидела».

Новосибирск

И еще одно повествование: «Приехала я после войны в Новосибирск, как сейчас говорят, нелегалом, – паспортов колхозникам не давали, и жила я по “филькиной грамоте”. Устроилась работать на Гормолзавод, угол снимала. Мечта была в своем доме жить. Тут история с братом моим приключилась. Наклепали на него донос, что он, мол, за взятку военному комиссару уклонился в войну от фронта. Тогда за такое и его, и военкома могли под высшую меру подвести. Посадили его в тюрьму, и военкома тоже. А я знала, что Василия еще до войны инвалидом признали. Стала все справки его старые добывать, хлопотать, чтоб всё расследовали. Слава Богу, на свидания пускали. Василий попросил, чтоб я к семье военкома ходила, помогла, если надо. Я пришла к ним: жена его с ребенком грудным в каморке в бараке жили, поесть у них было только хлеба кусок да немного картошки; как жить дальше, она не знала – испуганная была. Я им кое-каких продуктов дала, сказала, что брата и ее мужа выгашу. Дело я выиграла, и их через полгода освободили. Потом узнали, что хотели Василия убить, так как он кое-кому мешал, но не на тех напали. Правда – она всегда побеждает».

Мечту свою бабушка исполнила: скопила денег на дом (брат помог), купила домик в центре города. Потом вышла замуж за Петра Яковлевича Надеяева. Деду тогда 40 лет было, бабушке – 30. В домике-развалюшке родилась моя мама (точнее, родилась в роддоме, а в домик ее принесли).

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

С. Ю. Минина

Новосибирский государственный педагогический университет

«КАЖДУЮ КРОШКУ – НА ВСЕХ».

В. П. МИНИН О ЖИЗНЕННЫХ ИСПЫТАНИЯХ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Когда я увидела сборник «Родные голоса. Сибирь, XX век»¹, где собраны рассказы людей о своей жизни, мне очень захотелось опубликовать и историю моего дедушки. Я вспомнила, что у нас в семье хранятся тетради, в которых он

оставил воспоминания о своей жизни и жизни своего отца. Благодаря этому повествованию я теперь знаю историю своего рода. Видимо, дедушка начинал свой труд в годы перестройки, во второй половине 1980-х гг., дважды, так как к общей тетради в кожаном переплете прилагалась маленькая тетрадь, где написано только начало. Дедушка писал четким и разборчивым почерком, но с ошибками – он окончил всего 5 классов.

Мой дедушка Минин Виктор Петрович (1935–1995) родился в Новосибирске, но жил до 11 лет в Купинском и Ордынском районах Новосибирской обл. Окончил фабрично-заводское училище и всю жизнь проработал на Заводе буровой техники слесарем-сантехником и газосварщиком. Избирался депутатом городского совета Новосибирска.

Помещенный здесь отрывок из его воспоминаний относится к годам Великой Отечественной войны. При подготовке рукописи к печати исправлена орфография и пунктуация, проведено осторожное редактирование, но сохранены все особенности авторского языка и стиля изложения. В прямых скобках добавлены вставки для лучшего понимания текста. В примечаниях сделаны разъяснения слов, непонятных большинству современных читателей.

Светлана Минина

[...] В 1939 г. отец с семьей уезжает в Купинский р-н, село Октябрьское, вновь построенное. Там он получил домик пятистенный, где мы и проживали. Красивое село, речка Жужолка, где можно было и порыбачить, и искупаться. Здесь у нас прибавилась семья: [к трем старшим детям добавились младшие] – Рая и Володя. Отец возил зерно в Баган на элеватор и выполнял разные работы на машине-полуторке². Вечером обычно подъезжает к дому, насадит кузов детворы и прокатит по деревне. Нам всем казалось, что лучше нет радости, как прокатиться на машине. Мать сидела дома с детьми, а вскоре [стала] работать в яслях.

Но вся наша радость длилась недолго. В 1941 г., в июне месяце, 22 числа началась война. Это горе потрясло как всю Россию, так и нашу деревню, плач женщин охватил все село. 24 июня отец получил боевую повестку. На шести машинах, в том числе на отцовской, собрались на фронт мужики. Стон и рев по всему селу: дети, жены провожали кормильцев, оставаясь почти сиротами. Отец пропел со слезами песню, которая запомнилась мне на всю жизнь:

*Прощайте, кустики таловы,
Прощай, любимый мой гараж,
Прощай, жена, прощайте, дети,
Быть может, не увижу вас.*

В свою машину вместе с [призванными на фронт] мужиками насадил детей, и с тревожным сиг налом все шесть машин, с сигналом сирены, тронулись из родного села, оставив там самое дорогое; многие прощались навсегда. Высадив всех детей в конце деревни, тронулись со слезами и долго-долго махали руками, пока не скрылись вдали от села. Остались в селе старики, женщины и дети.

Все заботы домашние и полевые легли на плечи женщин и подростков. Пришлось собирать урожай... Стали женщины и механизаторами, и комбайнерами. Помню, при уборке в поле моей матери затянуло руку в цепи. Выдернули руку женщины – ободрана была, болела долго, а болеть некогда. Топились зимой кизяками, так как в Купинском районе в основном степи, леса совсем мало, поэтому приходилось готовить кизяки, готовить самим из коровьего помета с добавлением мелкой соломы, опилок. Готовили как густую смесь и трамбовали в деревянные формы, затем сушили, складывали в высокие [штабеля], типа поленницы, и зимой топили русские печи.

Помню случай: на сенокосе женщины копнили сено, затем скирдовали, и наверху завершала стог Дарья Шишина. При завершении стога она сбросила вилы, которые воткнулись вниз черенком, и она при спуске со стога всем телом насадилась на вилы. Повезли в больницу в Баган и не довезли – она скончалась. Осталось трое детей, которые попали в детский дом.

Наступила зима. Наши отцы писали письма с фронта, [их] читали всем селом, как мать рассказывала. Иногда приходили похоронки, которые сразу в дом не попадали: вызывали [адресата] в правление колхоза и сначала всячески успокаивали, а затем вручали в руки все горе и печаль. И каждая [женщина] боялась, как бы ее не вызвали – это было самое страшное для каждой семьи.

[Брат] Гриша в нашей семье был старшим, но каким-то ненадежным: он почти не помогал матери, убегал из дому, часто дома не ночевал. Хлеб стали давать по карточкам невкусный, с добавлением сои. Черный, твердый, но мы уже были и этому рады. Однажды Гриша не ночевал дома, и к утру они со своими сверстниками обокрали пекарню, домой притащил булок 20 хлеба. Мы этого не понимали и были рады, что столько хлеба, но утром мать весь хлеб отправила на пекарню. Всех подростков, которым было 14 лет, отправили в Купино в ФЗО³, в том числе попал и наш Гриша, [хотя] ему только шел четырнадцатый год.

Помню, как зимой мы катались на лотках, изготовленными старшими братьями. Лотки делались так: берется дощечка [длиной] сантиметров 85–90, ширина – 25 см; отступая от одного края сантиметров 20, крепились две стойки, друг от друга сантиметрах в 12-и, высота – сантиметров 60; сверху на обе стойки

[помещалась] перемычка, сантиметров 40, – она служила рулем. Лоток снизу обмазывался коровьим пометом, обливался водой, обмораживался. Он хорошо катился с горок с двумя ребятами. Таким образом катались малые и взрослые.

Еще один эпизод запомнился мне с детства... Однажды зимой (видимо, был выходной день) мать решила накормить нас бубликами. Они готовились так: с вечера заводилась квашня, утром мать их скручивала, как большие каральки, затем они заваривались в кипятке и садились на солому в русскую печь, еще горячую. Они подрумянивались и с молоком очень вкусные. В то время, пока [мама] пекла эти бублики, мы с Гришкой и Валею находились на печи. Там мы отыскивали мешок, затолкали Валю в мешок и завязали, затем ее столкнули с печи, она ударилась зубами и губами об козырь койки, и из мешка потекла кровь. Раздался крик, и нам с Гришкой попало [от матери] сковородником.

Помаленьку зима подходила к концу, и когда подошла весна, подошла большая вспышка брюшного тифа, которая охватила маленьких детей. А врачей не хватало (их забирали на фронт), и поэтому дети стали умирать. Ничего сразу не могли сделать, нам тоже пришлось проститься с Раей и Володей: Рае было 3 года, а Володе – 1 год 4 месяца. Горько досталось матери – потерять двух детей.

Отец в письмах посоветовался с дедом, чтобы он перетащил нас к себе в Петровский совхоз, и дед согласился, начал звать мать, чтобы приехали к нему. 6 июля 1942 г. мы собрались, и на корове, запряженной в легкую телегу, тронулись в путь (расстояние – 530 км). Ехали в день километров 20–25 – от села до села, маршрут у матери был весь записан. Путь оказался не совсем легким.

На пути нам попала речка небольшая, через которую ездили на лошадях, но [у нее были] болотистые топкие берега, и мы на корове застряли, и корова у нас до половины утонула. Мать в деревне нашла каких-то двух дедов, которые распрягли корову и помогли вытащить корову и телегу. Как сейчас помню: едем, увидим хорошую лужайку, корова попасется, мать сварит на походном таганке варёху, подоит корову, накормит нас и – дальше. С продовольствием было очень туго, поэтому мать в дороге продала крепдешиновое новое платье за ведро муки, из которой нам варила варёху.

К деду мы приехали на 29-й день. Сколько было радости, когда мы увидели лес, пруд, другую деревню, других друзей, с которыми так быстро познакомились, у которых отцы и старшие братья тоже оставили свои семьи и ушли на защиту Родины.

Время проходило быстро, хотя оно и было трудным: не хватало хлеба и других основных продуктов, на все продукты выдавались карточки, которые были ограничены до предела. На всех колхозных работах работали женщины и

подростки, они сеяли, пахали, убирали. Рабочий день был не нормирован – начинали работать рано и возвращались поздно, выходных почти не было. [...] Деда Степан (так мы его звали) старик был хороший, содержал всю нашу семью в совхозе Петровский, в который мы переехали... Старший брат Гриша весной и осенью уже помогал в работе совхоза в посевной и уборочной. В то время подростки с 14 лет уже работали...

Пруд, на котором наш дед проводил летнее время, находился в 6 км от совхоза Петровский. Дед заключал договор по сдаче рыбы совхозу, и все лето проходило на пруду. Он сам подкармливал рыбу, ставил сети, самодельные корчажки и, как правило, два раза в сутки вынимал рыбу и сдавал в совхоз. Его отоваривали мукой, яйцами и другими продуктами, которые помогали нам в пропитании. Был у деда самодельный обласок – это маленькая долбленая лодочка, на которой нам дед разрешал покататься с сестрой Валею в определенное время, чтобы не пугать рыбу.

Расскажу интересный эпизод, он принес нам большой страх в то военное время. Два раза в неделю мы ходили к деду специально за рыбой с котелком, [вместительностью] примерно 5–6 л. Дед положит нам рыбы – карасей, гольянов, мы вставляем в середину палку, беремся каждый за конец и таким путем несем этот котелок. И вот однажды мы шли на полпути через березник, увидели у дороги ягоду клубнику и немного приостановились. Вдруг увидели: через дорогу метрах примерно в 100 от нас волки переходят дорогу, увидели нас и остановились. Какой испуг мы перенесли в то время! Мы быстро приняли решение влезть на березу. Я посадил Валю до первых сучков березы, сказал ей, чтобы она лезла выше, и начал забираться сам. В то время волков было много, их никто не уничтожал. Примерно через полчаса мы услышали гул трактора, на котором ехала женщина. Услышав гул, волки ушли, мы закричали, женщина остановилась, мы слезли, всё ей рассказали, и она привезла нас домой.

Случаев почти не было, чтобы волки кого-то задрали, поэтому мы вскоре снова стали ходить [к деду], но уже более осторожно. Мне очень нравилась рыбалка, поэтому ничто не могло остановить мое желание. Когда подходила осень, становилось холоднее, дед готовил чучела, ставил [их] на березы, часами просиживал в шалаше, ожидая прилета косачей. [...] Зимой дед ходил на охоту: на зайцев ставил петли, на зверей, таких как волки, лисы и еще какие-то наподобие лис, ставил капканы, часто приходил с добычей. Мы провожали деда, натирали лыжи каким-то жиром, у него был специальный костюм безо всяких посторонних запахов.

В 1943 г. мама, Анна Степановна, работала продуктовозом – возила обрат с

маслозавода телятам (молодняку) на быках, запряженных в ярмо. Жизнь казалась уже какой-то привычной, только как получит письмо любая женщина, я слышал, как перечитывали его несколько раз и все надеялись на что-то хорошее. Тяжело было тем, кто больше никогда не получают писем с фронта, а таких было много: они обычно и собирались как-то вместе, и разговор у них был свой. Какие бы ни были на душе горести, но приходили праздничные дни, женщины и наплачутся, и напоятся, – [кто] как смог, тот так свое горе и утешит.

Помню, как женщины собирались по несколько человек, возили в город продавать мясо за 120 км на санках. Ходили по неделе, потом покупали нам обновы, которым мы были так рады. Радио, которое состояло из картонных тарелок, никогда не выключалось... Собирались все – взрослые и дети, старики и старухи, все слушали, как идут дела на фронте, а после делали выводы – каждый соображал и думал по-своему. [...]

И вот наступили первые майские дни 1945-го, все чаще произносились слова, что наша Армия на пороге победы – той самой, которой ждал весь мир. И он наступил, тот самый день, который записан золотыми буквами в историю, это был день 9 мая. Мне в то время шел 10-й год, и вот именно этот день, который прозвучал Днем Победы, на всю жизнь остался в моей памяти, я никогда не испытывал столько радости, сколько было в этот радостный, навсегда праздничный день. По радио стали слышать уже не военные, а веселые песни...

Начали возвращаться фронтовики с медалями, орденами, из которых еще не выветрился запах [войны], и с каждым днем их шло все больше и больше. Вначале демобилизовывали тех, кто был с ранениями, затем по возрасту. Ждали и мы своего отца, ждали ночью и днем. Где что-то скрипнет, нам казалось, что сейчас откроется дверь, и он появится на пороге – красивый, в военной форме, с большим количеством боевых наград.

И вот этот день настал – это было часов в 6 вечера 26 декабря 1945 г. Мать наша еще была на работе, дома находились мы с Валею и дед Степан: он как чистил мелкую картошку, так и выпал ножик из рук. Отец был не один – с другом, который уехал на второй день. Какими-то мы были при встрече растерянными, но отца сразу узнали. Он поцеловал нас, сел на стул, и хотя мы были уже большими (мне 10 лет, а Валя на два года младше), отец нас обоих посадил на колени. Как сейчас помню, [он] с минуту помолчал, как бы готовился к какому-то выступлению. И вдруг запел песню, которую пел со слезами, но это были слезы уже радости. Вот эта песня. Отец ее спел для нас, а я ее оставляю от покойного деда и прадеда внукам и правнучкам:

Песня Победы

*Ветер победную песню поет,
Море приветно рокочет.
Город родной из тумана встает
И сердце обнять его хочет.*

*В бурю и зной ты повсюду со мной,
В битвах военных тревог.
Помни, родная, – навеки я твой,
Я не вернуться не мог.*

*Пусть потемневшие стены стоят,
Пусть почернел потолок,
Пусть ослепительно окна горят,
Но я не вернуться не мог.*

*Пусть покосился от времени дом,
На бок свалилась ограда,
Я возвратился – я дома теперь
И лучшего счастья не надо.*

Пришли с работы мама с Гришей, и слезы и радость – всё смешалось в одно целое, но быстро всё встало на свое место, и начался праздничный вечер по случаю возвращения отца с войны. Пока мать собирала на стол, отец подарил мне полевую сумку – сколько было радости, особенно при ее открытии. В сумке было три отделения: одно из них было заполнено тетрадами, карандашами и блокнотами, второе отделение было заполнено пиленным сахаром-рафинадом, в третьем отделении в байковой теплой фланели были завернуты яблоки. Когда я их развернул, то спросил отца: «Что это такое?» Отец от обиды, что я до сих пор не знаю, что это такое, вытер слезы и сказал: «Это яблоки, кушай». Их было штук 7–8, точно не помню. Вот когда я узнал, что такое яблоки, даже попробовал и разделил на всех (так научила нас война: [каждую] крошку на всех). [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Родные голоса. Сибирь, XX век: мемуары из коллекции кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск, 2008. Вып. 1.

² Машина-полупотрка – обиходное наименование грузового автомобиля ГАЗ-АА с кузовом грузоподъемностью 1,5 т.

³ ФЗО – школа фабрично-заводского обучения, или ремесленное училище – низший тип профессионально-технической школы в 1940–1963 гг.

*Научный руководитель, автор примечаний: д-р ист. наук, профессор
В. А. Зверев.*

И. В. Пивченко

Новосибирский государственный педагогический университет

**«БОЛЬШЕ ВСПОМИНАЕТСЯ ТЯЖЕЛОГО».
Л. А. ПИВЧЕНКО О ВОЕННЫХ ГОДАХ В СИБИРИ**

Сначала напишу немного от себя. Чтобы составить этот текст, мне пришлось приехать к моей бабуле и расспросить ее о молодости. Сейчас ей 82 года. Раньше я никогда не интересовался тем, как она жила во время войны. Даже не знаю, почему. Знал, что было тяжело, но, как оказалось, имел довольно смутное впечатление. Во время бабушкиного рассказа я слушал, записывал и довольно ярко представлял все описываемое. Уже на обратном пути обобщил услышанное и понял, что выжить в те годы и остаться человеком – уже было подвигом.

Сегодня моя бабушка на заслуженном отдыхе. Она является ветераном труда, тружеником тыла. Часто вспоминает пережитое. Внимательно следя за сегодняшней жизнью (прежде всего, по газетам и телевизору), она оценивает нынешний период критически. Хотя в годы молодости жизнь была суровой, но, по ее мнению, порядка было больше, отношение к настоящим труженикам и героям справедливее. И некоторые ценности советского времени, на которое пришлась большая часть бабушкиной жизни, надо любой ценой сохранить.

Илья Пивченко

Я, Лидия Алексеевна Пивченко, урожденная Моисеева, родилась 6 мая 1927 г. в городе Камень-на-Оби Алтайского края. В семье нас было трое детей: брат Виктор (младше меня), я и сестра Нина (старшая). Отец, Алексей Андреевич Моисеев, 1894 г. рождения, работал на Каменском элеваторе техноруком, специалистом по зерну, его приемке и хранению. Мать Агриппина Петровна не работала, занималась нами.

Я окончила неполную среднюю школу. После начала войны в Камень были переведены несколько среднеспециальных и высших учебных заведений из-за Урала. В их числе был Моздокский элеваторный техникум. Время было голодное, а студентам техникума полагался продуктовый паек. И я пошла учиться в данный техникум фактически из-за этого пайка. В то время на каждого иждивенца выдавалось по 200 граммов хлеба, а учащимся техникума полагался рабочий паек – 500 гр. Хотя было и некоторое влияние моего отца – он ведь был специалистом именно в этой области. А вообще я жалела, что не пошла учиться на педагога – в Камне тогда можно было получить и такое образование.

Отец работал, насколько я понимаю, очень хорошо. До войны в Москве был организован Первый Съезд стахановцев. И отец был одним из делегатов этого съезда. Он привез оттуда большой альбом с фотографиями, и каждый лист был переложен папиросной бумагой. Привез патефон и много пластинок – в основном, с классической музыкой, ариями из опер (помню, там была и ария Снегурочки из

соответствующей оперы). Мы, конечно, ничего не понимали в этой музыке, и мать посмеивалась над отцом. А тот говорил: «Все покупали, ну, и я купил...». Привез и нам, детям, какие-то подарочки.

Начало войны я помню хорошо. В этот день, 22 июня, мы с подружкой отправились гулять в городской парк. День был ясный и солнечный. В парке было много народу. И когда мы возвратились домой, стало известно, что по радио сообщили о начале войны. Паники не было, но настроение у людей изменилось сразу: появились напряжение, боязнь за близких. Вскоре объявили мобилизацию, и мужчин стали призывать в армию, отправлять на фронт.

Отец, в силу важности своей работы, имел освобождение от призыва – бронь. Скоро его перевели работать по той же специальности в с. Тюменцево – это в 77 км от Камня. Он там работал на элеваторе и жил на квартире. Мать и мы остались в Камне.

Бедствовали мы сильно. Ели в основном картошку с собственного огорода, нередко приходилось питаться и картофельными очистками. Каждый плод был на счету, и никто не знал, на какое время еще хватит продуктов. Едоков ведь в семье было четверо, а кормилец один. У нас была корова, она нас сильно выручала. Мы с матерью на ней ездили в лес заготавливать дрова. А зимы были в те годы очень суровые, и надо было много топить печь.

Летом заготавливали сено для коровы. Я косить не умела, и меня учил один из косарей: «Держи косу крепче, направляй ее и злись на траву, злись!» А уж злости и так хватало.

Отправляли нас также по дворам собирать продукты для фронта. Почти ничего ни у кого получить не удавалось. А то, бывало, дадут в каком-то доме морковку или картофелину; мы за угол зайдем, да сами и съедим.

Учебы в техникуме в военные годы фактически никакой не было. С сентября до января участвовали в сельскохозяйственных работах: на волокушах вывозили сено с полей, помогали в уборке урожая. Помню, как однажды уже зимой отправили в поле убирать подсолнухи. Снега было – по пояс. И мы, пробираясь по нему, срезали торчащие головки подсолнухов. Ночевали в какой-то избушке, и вся еда была – жареные на печке семечки.

Косили сено для колхозных коров, спали здесь же, в поле, в стогах или в наспех сделанных шалашах. Однажды я проснулась в таком шалаше среди ночи. Лежу в луже воды: прошел дождь и промочил всех до нитки. В общем, хватило лиха – мерзли, мокли, голодали. О здоровье думать было некогда, а сейчас, в старости, всё это и сказывается.

Народ от голода просто зверел. Отец иногда привозил нам по десятку кило

мучного отсева, из которого мать стряпала хлеб. Этот отсев она хранила под своей кроватью. Однажды ночью в наш дом стали ломиться какие-то люди, они кричали: «У вас, значит, мука есть, вы жить хотите?! А нам что, с голоду подыхать?». Кое-как они ушли. Может быть, наши соседи их спугнули, не помню уже. У соседней, кстати, корова, чтобы ее не украли, зимовала прямо в сенях. И однажды среди ночи они проснулись от ударов: это злоумышленники просто проламывали стенку сеней, чтобы увести корову. Подняли шум, стали звать на помощь, и корова была спасена.

Отец, как я уже говорила, был «забронирован», однако до поры до времени. Тогда действовало следующее предписание по приему зерна: засоренность могла быть не более 5 %, а влажность не более 16 %. Конечно, всё это соблюдать было почти невозможно: не было ни достаточного времени, ни механизации труда. Поэтому везли зерно 30 % влажности, да и засоренность толком никто не измерял. А отец, кстати, был профессионалом: он мог эти показатели определять точно без всяких приборов, на ощупь. И почти не ошибался.

Несколько раз отец отказывался принимать зерно из-за заметного превышения показателей: зерносушилки нет, и в этих условиях зерно обязательно сгниет. Однако начальство настаивало, обвиняя отца в саботаже зернозаготовок и угрожая тюрьмой. А он понимал: что так, что по-другому, – тюрьмы вряд ли можно избежать. И отказался принимать очередную партию зерна. После этого с него побыстрому сняли бронь, и году в 1943–44-м, точно не помню, отправили на фронт, хотя возраста он был непризывного. Проводили мы отца на фронт и остались.

В Камне базировались, помимо уже названного техникума, Воронежский сельхозинститут и Барнаульский пединститут. И вот летом всех студентов отправили на строительство шоссейной дороги Барнаул – Чесноковка. Обещали, что мы пробудем там несколько дней, а растянулось это на полтора месяца. А по Камню пронесся слух, что нас отправили на фронт.

Работали очень тяжело, кормили нас как попало. Недоедали страшно. Стояла сильная жара, и за это время умерло от напряжения и солнечного удара три человека. Зато прислали нас веселить цыганский театр «Ромэн» из Москвы. Утром нас поднимали под музыку, и в перерывах цыгане играли.

Помню хорошо такой эпизод. Начальник строительства по фамилии Капуста проверял качество работы. Подошел к группе рабочих и стал давать указания: «Надо чаще тромбовать, тромбовать!» (именно так и говорил – «тромбовать»). А на строительстве были не только студенты, но и взрослые рабочие, которые за словом в карман не лезли. И одна женщина закричала ему в ответ: «Мы сейчас тебя за ноги возьмем и твоей лысиной будем “тромбовать”! Ты нас накорми сначала, а потом требуй! Кормят какой-то бурдой, в которой картошка за картошкой с дубинкой

гоняется!»

Пробыли мы на строительстве полтора или два месяца (точно не помню), и отправили нас на пароходе обратно в Камень. Подходим к пристани, и заиграл оркестр «Прощание славянки». И со всего города стали на пристань сбегаться люди, которые не чаяли уже увидеть своих родных. Столько было слез, просто не высказать!

Отец на фронте служил в действующей армии, в аэродромной службе в подразделении знаменитого нашего Покрышкина. Ему довелось общаться с Покрышкиным в основном в пределах летного поля. Поскольку отец был уже «в возрасте», Покрышкин его спрашивал: «Ну что, дед, как дела, как служба?» Я хорошо запомнила, как отец вспоминал об этих разговорах.

Отец в составе этого воинского подразделения освобождал Европу, дошел до Германии. Вернулся он домой в 45-м или 46-м году. Идет, помню, по улице, пилотка надета почему-то поперек, а не как положено. Радости было! Он привез с фронта кое-какие трофеи: часы настенные немецкие (они до сих пор целы), ложку какую-то большую (она тоже у меня хранится). Как демобилизованным, им дали по отрезу шелка, метров 5, наверное. Мать нам сшила с сестрой по платью из этого шелка: носить к тому времени было совершенно нечего.

После окончания техникума я по распределению попала в Казахстан, работала на станции Шубар-Кудук. Приходилось очень тяжело: ездили по отдаленным точкам, проверяли качество зерна. Бывало так холодно, что ноги буквально примерзали к сапогам. Вскоре я вернулась к родителям в Камень-на-Оби, работала какое-то время вместе с отцом, также очень много ездила по «глубинкам» (так официально назывались отдаленные пункты приема и хранения зерна). В связи с тем, что отец очень много перемещался по району, коллеги дали ему прозвище Неуловимые Отходы.

В начале 1950-х гг. отца перевели в Тюменцево уже начальником местного элеватора, и мы переехали туда на постоянное место жительства. С этим селом и связана большая часть моей жизни.

Конечно, пережитое в военные годы врезалось в мою память, просто «въелось» в нее навсегда. Больше, конечно, вспоминается тяжелого. Но молодость все равно брала свое: было и смешное, и хорошее – всякое было. Много пережито, но мне за прожитые годы не стыдно.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

ИЗ ГИТЛЕРОВСКОГО ЛАГЕРЯ В СТАЛИНСКИЙ: СУДЬБА МОЕГО ПРАДЕДА НА ФОНЕ ЭПОХИ

Нам сейчас легко рассуждать: многие наши проблемы решаются очень просто. Нам не нужно топить печь, чтобы приготовить еду, не нужно с весны до осени заниматься сельским хозяйством, чтобы было из чего готовить, мы не умираем от кори или гриппа, потому что достаточно принять таблетки и пилюли, и ты снова здоров. Мы можем спокойно учиться, выбирать свой путь, и уже не действует старая поговорка про то, что где родился, там и пригодился. Конечно, и в современной жизни много ограничений: мы так зависимы от окружающих нас вещей, от материальных средств.

В каждой эпохе есть и минусы, и плюсы. Кроме времени, когда идет война – тут плюсов нет. Война меняет абсолютно все в жизни человека – от быта до мировоззрения. Война ломает, скручивает и испытывает на прочность.

В данной работе я буду рассказывать о своем прадеде, которого никогда не видела. Прадеда звали Петр Иванович Загородников. О нем мне рассказывала в детстве любимая бабушка Рехина Раиса Петровна.

Родился он в 1902 г. в д. Сычевка Смоленского р-на Алтайского края. Рос в многодетной семье (у его матери было пятеро детей), был младшим ребенком и единственным мальчиком. Отец его умер уже через год после его рождения, поэтому Татьяне Васильевне – маме моего прадеда – приходилось очень непросто. Хорошо, что старшие сестры моего деда были взрослыми и помогали матери справиться с хозяйством и младенцем.

Татьяна Васильевна умерла, когда моему деду исполнилось 10 лет, тогда все хозяйство и заботу о младших взяла на себя его старшая сестра Марина. Трудно сказать, насколько тяжело или легко они жили – сведений об этом мы не имеем. Как говорит моя бабушка, когда Петр Иванович рассказывал о своем детстве, был не очень эмоционален и никогда не жаловался. Известно, что две старшие сестры прадеда вышли замуж и взяли на воспитание своих младших брата и сестру. Прадед остался с Мариной – своей старшей сестрой.

Через некоторое время мой прадед женился, супругу звали Наталья. Как выяснилось позже, она страдала нервными расстройствами: тяжелой формой шизофрении, постоянной манией преследования. Ей казалось, что ее все хотят убить, даже родные и соседи. Как говорит моя бабушка Раиса Петровна, у деда

остался давний шрам на ноге: ночью Наталья чего-то испугалась, схватила острый предмет (он лежал под подушкой, без него она не могла заснуть), закричала на спящего мужа и поранила его. Кроме подобных случаев, она была очень талантливой художницей: картины и наброски ее до нашего времени хранит моя бабушка. У прадеда и Натальи родилось двое детей – Михаил и Анна. Дети были еще подростками, когда их мать покончила с жизнью. Что было потом, история умалчивает.

Хочу рассказать про ее младшего сына. Дядя Миша – это отдельная история. Более умного и талантливого человека найти трудно, невозможно было от него устать, невозможно было оторваться от разговора с ним. Он был геологом и профессиональным шахматистом, все свое свободное время проводил за шахматным столом. Играл, как правило, сам с собой: сначала с одной стороны подходит – делает ход, потом идет вокруг стала и думает (выражение лица суровое, глаза отсутствующие), садится на место своего оппонента, делает ход... И так все выходные. Смеялся он очень заразительно, никогда не забуду. (Конечно, данные факты исторической ценности не имеют, но удержаться и не вспомнить о них просто невозможно.)

Единственное, что настораживало всю нашу семью – это то, что дяде передалась болезнь его матери – шизофрения. До 30 лет болезнь себя не проявляла; толчком стала геологическая экспедиция в конце осени, где за ним гнался старый, больной и очень голодный медведь. Дядя Миша залез на дерево. Медведь, в силу своей старости и слабости, на дерево залезть не смог, но караулил около суток его с земли. Другие два члена экспедиции искали Михаила Петровича, через некоторое время нашли. Застрелили медведя, с трудом сняли с дерева моего двоюродного деда. Но с убийством медведя преследования не закончились, медведь всю оставшуюся жизнь находился где-то рядом, за углом, в ночных кошмарах. Постоянная мания преследования, унижительные лечебные палаты, жизнь рядом с обезумевшими людьми... Он умер в 2008 г. (не буду говорить, как). Для меня он всегда останется самым лучшим собеседником, другом и замечательным человеком.

Итак, вернемся к прадеду Петру Ивановичу. После смерти своей жены он женился вторично, жену звали Ксения. Она взяла на воспитание обоих детей мужа от первого брака (Михаила и Анну), через некоторое время родилась моя бабушка Раиса Петровна. Казалось бы, все хорошо, но в 1941 г., как всем известно, изменилась не только жизнь моего прадеда, но и всех без исключения. Война коснулась каждого.

Как говорит моя бабушка, ее отец без энтузиазма воспринял призыв воевать за советскую власть – она ему опостылела. Потеряв всё ради «советского

благополучия», нужно еще и жизнь отдать на благо того, во что не веришь... Но война не спрашивает никого, на войну он все же поехал. Жена Ксения пообещала: если он вернется, она родит ему сына.

Прадеда направили сначала на обучение в Подольск. По окончании курсов снайперов отправили работать на благо партизанского движения: доставлять грузы партизанам, налаживать коммуникации. Позже все же он попал на фронт. Несколько раз был ранен, потом снова воевал на фронте, выжил, но попал в плен.

Его пытали, надеясь получить ценную информацию. Моя бабушка утверждает, что ее отец, даже когда говорил про пытки, всегда находился в стабильном эмоциональном состоянии. Рассказывал, как его били горячими цепями, выдирали ногти...

Он пытался бежать из лагеря три раза. Первый раз немцы так отомстили за попытку бегства: избили, искололи все тело, облили спиртом и на неделю посадили в камеру с холодной водой по колено. Вторая попытка бегства сразу окончилась неудачей. Ноги Петра Ивановича снова были изранены острым предметом вроде шила и политы уксусом, – немцы смеялись. Дед никому не говорил, как его пытали после третьей попытки побега. Однако, по словам моей бабушки Раисы Петровны, рассказывал, что одежду было трудно снять. Это можно было сделать только с кожей и спекшейся кровью, под которой – гниющие раны и гнойные нарывы. В последнее время пребывания в лагере у него не оставалось надежды, он просто хотел умереть. Хотел, чтобы боль закончилась, и вместе с ней закончилась для него эта война. Уже было все равно, что станет со страной, с семьей... Всё равно, кто победит, и что будет дальше.

Именно когда исчезла надежда, дверь в камеру открыл человек в советской форме. Казалось бы, всё, – на этом уже завершится невеселая эпопея нашей семьи, но из фашистского концентрационного лагеря прадеда отправили в лагерь советский. Еще около десяти лет, выброшенных из жизни... Те люди, которые забрали его из гитлеровского лагеря, объяснили, что теперь он «враг народа», ибо настоящий солдат в плен не сдаётся: для него лучше умереть, чем попасть в плен к этим «собакам».

Никогда особо не быв патриотом, он действительно стал врагом, только не народа, а советской власти. Только со смертью главы этой власти, под амнистию, его выпустили, еще почти через год он вернулся домой. Бабушка Ксения выполнила свое обещание и родила ему сына Александра. Через три года после рождения сына мой прадед Петр Иванович умер во сне по неизвестной причине.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

Ю. А. Сырохватова

Новосибирский государственный педагогический университет

«КАК СЕЙЧАС ПОМНЮ...».

С. П. СЫРОХВАТОВА О ДЕТСТВЕ В РОДНОМ НОВОСИБИРСКЕ

Я давно интересуюсь историей своей семьи. Столько интересного можно узнать от дедушек и бабушек! Ведь у них было другое детство, другая юность и молодость. Но, к несчастью, круг лиц, способных мне рассказать о прошлом, очень мал. Одним из главных информаторов для меня является бабушка по отцу, Светлана Петровна, много сил вложившая в мое воспитание и обучение.

Бабушка прожила нелегкую, но интересную жизнь. Родилась она в 1939 г. в Новосибирске и здравствует поныне. Семья ее родителей была бедная, но интеллигентная. Бабушка окончила школу, Институт связи. Вышла замуж, родила сына Александра – моего отца. Но брак оказался несчастливым и распался.

Публикуемые здесь материалы были получены в результате бесед с бабушкой и последующей их записи несколько лет назад. Перечитывая эти воспоминания, я узнала много нового о жизни и быте моих предков. Жаль, что дом, о котором рассказывала бабушка, был снесен, а семья бабушки получила квартиру в Ленинском р-не, где мы живем до сих пор. В историческом центре города жить гораздо интереснее! А еще жаль, что я не застала живыми прадедушек и прабабушек...

Юлия Сырохватова

Место, где прошли мое детство и юность

Я, Сырохватова Светлана Петровна (в девичестве Терентьева) родилась в Новосибирске в роддоме № 1, что находится по адресу: ул. Урицкого, 1. А жила я на этой же улице в доме 56. Дом был двухэтажный, коридорной системы. Мы вчетвером жили в однокомнатной квартире, которая изначально предназначалась для общей кухни. Окно выходило на северную сторону – на ул. Журинскую (дом наш был угловой).

Бабушкину кровать отделяла фанерная заборка. В другом углу тоже за заборкой была маленькая-премаленькая кухонька, в ней были печка и маленький столик.

По одну сторону стояла кровать родителей, а на противоположной – диван,

на котором спала я. У окна стоял письменный стол. Слева от окна – комод. В углу за диваном стояла этажерка. У перегородки, которая отделяла кухню, стоял буфет. Шифоньера не было. Кроме большой вешалки, которая была совсем близко от бабушкиной кровати, по другую сторону перегородки была маленькая вешалка для костюмов.

На стене висел портрет Сталина. Над диваном – картина, пейзаж. За печкой стояло ведро под помой и умывальник. Спать меня укладывали и зимой, и летом в 9 часов. А утром, когда все дети спали, я выносила из ведра и шла по воду на водокачку на ул. Енисейской. Ведро носила на коромысле. Не без труда я поднималась с ними на второй этаж, так как ростом была невеличка. Уголь и дрова приносила из сарая.

По коридору располагались еще три квартиры: две двухкомнатные и одна однокомнатная. Наша была под номером 9, а другие – 10, 11 и 12. В нашем дворе располагался флигель, в котором проживало еще три семьи. Напротив нашего крыльца жил начальник почтамта. Дома наши стояли напротив сегодняшнего ЦУМа.

Словно лучики, разбегались улицы от нашего дома. Выходишь из ворот – твой взор падает на Комсомольский проспект, где располагался пединститут. А на углу ул. Бурлинской и Комсомольского проспекта находился детский дом № 2, в котором мне посчастливилось поработать. Его хоздвор выходил на Енисейскую. Дальше параллельно шли улицы Омская и Томская.

Слева от Журиной шла ул. Фрунзе, а справа – ул. Романова. Дальше параллельно им шли Потанинская, Трудовая и ул. Ленина. В мои школьные годы мостили ул. Советскую. Асфальта не было, а были деревянные тротуары.

Напротив нас жили татары и лезгины. Неподалеку стояла татарская мечеть, а перед ней располагалось овощехранилище, где мы часто играли.

Дети нашего двора, или Все мои друзья и соседи

В нашем коридоре жила девочка по имени Неля, в квартире 11, а в 12-й – моя тетка Света. Она была приемной дочкой, и хотя я это знала, так никому и не сказала, а другие это сделали.

Света Быкова была опрятной, аккуратной и прилежной ученицей. С мелком в руке на печке, обшитой железным черным листом, она учила английские слова. В классе они соревновались между девочками по учебе. У Светы велась тетрадь с оценками своих одноклассниц, некоторых я помню до сих пор – Стела Фастович, Люда Лебедева. У Светы был отличный почерк. И вообще она была девочкой без вредных привычек. Я не помню, чтобы мы из-за чего-нибудь ссорились.

Неля жила с тетей Марусей, женщиной крупных габаритов и очень, как мне казалось, суровой. Однажды в ее отсутствие я зашла поиграть с Нелей. И вдруг

возвращается эта тетя. Так я со страху забралась под кровать. А со Светой тоже был смешной случай. Я пригласила ее к себе и угостила вареньем из смородины. В банке заметно поубавилось, а чтобы это не обнаружилось, я в банку с вареньем налила сырой воды.

Любила бывать в гостях у Нины Плюсниной, которая жила напротив, во флигеле. Там было две проходных комнаты (одна побольше, другая поменьше) и большая кухня, а также сенки и кладовая. Здесь всегда было тепло, светло и уютно.

Ее мама, тетя Лена, была рентгенологом, а папа – инженером. Но он за что-то отбывал срок. Жили здесь две бабушки (одна из них – прабабушка), был и дедушка-охотник. У него были чучела птиц. Сам он был красавец. Нина училась и в музыкальной школе. Когда я приходила, то просила сыграть полонез Огинского. Это была очень славная девочка!

Соседи менялись. В квартире № 11 поселился директор М-в Михаил Терентьевич. Его жена вторая – Елена Абрамовна. Он литератор, а она – историк. У каждого было по сыну – Валерий и Шурик. Я восхищалась этим Шуриком. Он водился с младшими погодками Мишей и Игорем, учился хорошо, занимался уборкой. Все они (дети) большими умниками стали. Валера, которого воспитывала бабушка, теперь профессор. Лидия Ефимовна, мать Михаила Терентьевича, дожила почти до 90 лет. Она успела поводить и с правнуком. Очень эмоциональная женщина. Частой гостьей была она у нас. И каждый раз восклицала на моего сына: «Это чудо! Что за ребенок!», – за то, что он уже в 9 лет умел и блины печь, и кашу варить. Шурик окончил Томский университет. Один из погодков (кто – не помню) школу закончил на золотую медаль. Примерно с 7 класса я мечтала о сыне по имени Шурик.

А когда подросли Сережа Ж-в, Тамара Багина и Наташа Хаханова, я их водила в кино, гуляла с ними.

Тетя Алла, которая жила на первом этаже, была моей портнихой – шила платья из штапеля, шотландки и шерсти.

Частым гостем в нашем доме был внук семьи Начаровых Юра, который при сносе нашего дома выдал нам ордера в дом на ул. Блюхера. Он вызывал у меня жалость. Рано он лишился родителей, которые были учителями. А с ним приключилась трагедия. Будто бы он упал с качели, повредил позвонок. При операции повредили нерв, и руки его стянуло на груди. Штаны носил на резинке, а на плечах была накидка. Ел он языком. Но был умненьким. На удивление, он сумел получить диплом юриста, получил квартиру. Учась в институте, был корреспондентом газеты «Молодость Сибири». Но в 27 лет он умер в своей квартире.

Борис Иванович Ж-в из квартиры 11 (это последние наши соседи из этой квартиры) был человеком замечательным: красивым, без вредных привычек, скромный. Они часто с моим отцом играли в шахматы. Еще дядя Костя, который жил со своей семьей под нами, тоже был заядлым шахматистом и часто играл с моим папой.

Забыла упомянуть еще об одной девочке-соседке – Мирре Драницкой, которая жила в соседнем коридоре. Она жила со своими папой, мамой и младшей сестренкой Раечкой. Они были евреи, но очень славные люди. У Мирры я любила рассматривать книгу «Круглый год». Она примерно была по объему, как энциклопедия «Кто это? Что это?». Там же я «познакомилась» с Самуилом Яковлевичем Маршаком – «Мистер-Твистер», «Сказка о глупом мышонке», «Кошкин дом». Позднее Драницкие уехали жить в Москву.

Военные годы выпали на мое детство

Без малого мне было два года, когда началась Великая Отечественная война.

Помню, для маскировки стекла обклеивались бумажными лентами. По радио (в виде большой тарелки), что висело по правую сторону от окна, слушали сводку информбюро. Юрий Левитан передавал ее каждый день. Однажды помню голос Иосифа Виссарионовича Сталина, авторитет которого был так велик, как ни у кого другого из последующих политиков. Помню, при словах по радио «Воздушная тревога» я пряталась за калитку.

Приходилось носить марлевые сарафанчики. В детский сад зимой ходила в комбинезоне, сшитом бабушкой большими стежками. Вши, клопы нас одолевали. Белье приходилось сдавать в дезокамеру на обработку.

На площадке Комсомольского проспекта перед нашими воротами проходили строевые подготовки.

В детском саду помню групповые комнаты, где мы играли и ели. Как сейчас помню, на стене висела картина «Мальчик на коне в буденовке». Воспитатели делали нам посуду для кукол из папье-маше. Я считала, что в куклах течет кровь. Музыкальные занятия проходили в зале, где стояло пианино. Из диафильмов запомнила сказку «Три поросенка». Очень понравился мальчик Сеня. Будто бы они были эвакуированы с Украины. Так он врезался в память, что до сих пор стоит в моих глазах.

Рахит был у меня. Помню, поили меня рыбьим жиром, к которому надо было долго привыкать. Но потребовалось маме взять меня в совхоз, где она, видимо, работала раньше, – там овощей всяких было вдоволь. Помню, как я причитала: «Хлебушко-батюшка, как тебя много». Еще помню, как меня повалил теленок и как

на тачке катал брат.

Летом мы, дети, играли «в домик», ставили спектакли, собирали красивые стеклышки, играли в вышибалы, прятки, догоняшки, в испорченный телефон. После дождя носились по лужам. Ловили стрекоз, которых было видимо-невидимо. Отгадывали загаданное кино по одной букве из каждого слова. Играли в песочке, кувыркались на зеленой траве, прыгали на скакалках. С бабушкой, когда оставались одни, играли в дурака, хотя отец этого не позволял. Еще играли в домино, в лото, а с папой – в шахматы.

В школьные годы в летнюю пору ходила на оздоровительную площадку на конце ул. Фрунзе. Помню, инсценировали мы песню на слова А. С. Пушкина «По дороге зимней скучной тройка борзая летит». А через дорогу располагался госпиталь на территории школы.

В зимнее время с троюродным братом Левой катались на санках во дворах, а еще на коньках-дутьшах, что крепились на валенки. Я была страшной трусихой и только завидовала Нине Плюсниной, которая наравне с мальчишками прыгала в сугробы с сараев, которые окаймляли наш двор. Однажды и я попыталась залезть на крышу, но спрыгнуть... Страх одолевал, и тогда мальчишки меня подтолкнули, но больше я не забиралась.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

Е. А. Барышникова

Новосибирский государственный педагогический университет

«НЕМЦЕВ ВЫСЫЛАТЬ – НЕУЖЕЛИ ПРАВДА?» ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. С. МИРУК

Речь пойдет о жительнице Усть-Таркского р-на Новосибирской обл. Марии Соломоновне Мирук (ее девичья фамилия Лис). Она родилась 16 января 1927 г. в с. Филипповка Маркштадтского (ныне Марковского) р-на Саратовской обл. Семья ее родителей с началом Великой Отечественной войны была депортирована с территории Поволжья по указу от 28 августа 1941 г. Такая же участь постигла всех немцев Поволжья.

К 1947 г. семья переехала в Усть-Тарку. Сейчас эта бабушка уже на пенсии, но, несмотря на свой возраст, помнит многое до мельчайших подробностей. Мария Соломоновна является крестной моей мамы, и поэтому мое предложение поделиться детскими воспоминаниями о военных годах она приняла с удовольствием. Такое предложение я сделала потому, что собирала материал для

выпускной квалификационной работы об истории и культуре российских немцев в Усть-Таркском р-не. В частности, мною проводился опрос среди немцев нашего района. Мне удалось некоторые беседы записать на видеокамеру, включая и интервью с Марией Соломоновной. Видеозапись позволяет наиболее точно учитывать тонкости излагаемой респондентом информации. К тому же такая запись более качественна, чем на диктофоне, где многое можно не расслышать.

Наша беседа продолжалась в течение 33 минут, за это время Мария Соломоновна рассказала о том, как их деревню застала война, как они жили до нее, об адаптации на новом месте в Сибири, о послевоенной жизни. В тексте, который здесь публикуется, представлены яркие фрагменты беседы.

При просмотре видеозаписи становится очевидным, что за все годы проживания в Сибири бабушка так и не избавилась от акцента. Этот момент нужно учесть при чтении текста.

Сегодня М. С. Мирук живет одна, но не чувствует себя одинокой. Она регулярно посещает собрания сверстников для чтения Библии и пения молитв, ее навещают дети, близкие родственники и подруги. Каждый раз, когда к ней приходят, она очень радуется тому, что о ней не забывают.

Елена Барышникова

Война когда началась, мне было 15 лет, я кончила шесть классов на немецки. Жили мы недалеко, шесть километров от Маркс [г. Маркс], Саратов был 60 километров от нас.

Только надо в сентябре идти в школу, а тут, значит, 22 июня началась война. Я как сейчас помню, в воскресенье принесли газета из района, что немцев Поволжья всех высылать. Родители погоревали... Боялись: неужели правда? Все руководители молчат. Сказали: «Давайте быстрее собирайтесь...».

Вечером, когда война началась, мы все [жители Филипповки] пошли в ограду – в контору. И нам объявили, что война... Все плакали...

28 августа пришли люди из города и сказали немцев высылать. Неужели правда? Правда! [В этом все убедились, когда раздали газеты]. Тут все бросили работать, давай готовить... [Мария Соломоновна говорит о заготовке еды, которую люди собирались взять с собой].

Примерно 11-го или 13-го сентября приехали к нам, заранее сказали: «Завтра ваша деревня...» [всем жителям села необходимо было заранее собираться к отъезду у берега Волги]. И везли нас шесть километров, и около Волги разгрузили в тиски. Без палатки, безо всего, и трое сутки мы там лежали. И когда подогнали баржи (три-две баржи друг за друга сцеплены), и нас давай грузить. Целый день грузили – до

вечера. Трое деревень сгрузили.

Приехали мы в Саратов, и нас в Энгельс погрузили в телячьи вагоны... Мы все держались, как родственники... А везли нас от Саратов до Уральска. С Уральска нас везли не прямой дорогой, нас везли – нижней – до Чимкент. А в Чимкент нам первый раз есть давали – рисовую кашу с зуруком [возможно, с урюком – сушеными абрикосами]. И вот приехали от Чимкент до Новосибирск, а по дороге оцепливали до станций. Нас уже до Татарска... а в Татарске грязи было навалом...

На лошади привезли. На лошади шорки [шлея, часть кожаной сбруи], а у нас этого не было. Крыши крыты пластами [дерна] – вот вам оладушки! И когда мы приехали сюда, и нас отправили в Тихоновку. Черноклеев, я как сейчас еще помню, председатель... Привезли нас вечером, разгрузили нас. Нас разместили в детском садике... Мы зашли, а там пахло от детей... А я сижу – плачу. Отец говорит: «Хоть бы две комнаты!». Какой тут, у нас дома – четыре. Мы думали [что нам] всё дадут – ничего нам не дали.

Первое время мы получали по восемь килограмм зерна, но это было первые годы, а послѣ – ничего не давали. Как хочешь...! А картошку еще воровали у всех, потому что она не возле дома. Люди выходили от голода. Вырвут крупные кусты – наберут, а мелкие оставят.

А в 48-м позвали нас в клуб, здесь, в Усть-Тарку [и сообщили]: «Вы поняли – вы навек сослѣтые, вы не имеете права в соседнее село идтить – вы стоите под комендатурой. Чтобы вы знали: если вы пойдете в соседнее деревня, хоть в Щербак, хоть в Богословку – вам 20 лет тюрьмы...». Если тебе уже 14 лет – ты иди отмечайся [в милиции каждый месяц третьего числа, а в праздники – по три раза в день].

А в 51-м я была беременна Валерой [младший ребенок Марии Соломоновны], и у меня заболело воспаление среднего уха, и мне надо было в милиции разрешение взять ехать в Новосибирск. Я приехала в Новосибирск с одной женщиной, здесь, из Усть-Тарки, и в типографии на бумаге [мы] спали. И мне надо было обязательно идтить в милиции отмечаться, что я прибыла в Новосибирск. Я поехала туда, в завод Чкалова, весь день простояла в очереди, и меня послали на второй этаж. Я зашла, а он [начальник] сидит в кресле. Как швырнул мне бумаги и говорит: «Это не ко мне – на Октябрьский». А я рядом, через два дома там спала... А на второе утро пошла в это [на Октябрьский], и он [другой начальник] на меня так накричал: «Почему ты не пришла сразу? Прошло сколько дней, ты только явилась!» [Так М. С. Мирук и не положили в больницу].

– *Расскажите о жизни до войны. Как был устроен быт на родине, в Поволжье?*
Мы жили же хорошо, конечно. Голод был в 33-м, а послѣ, когда уже

[наступил год] 37-й – был урожай ужасный. Всё уже было. Колхоз машины купил. Папа наш был первым шофером в деревне. У нас уже диван мягкий был, у нас уже и пианина своя была – всё было. Уже и шкаф был – это у нас было на родине, конечно.

– *И всё вы это потеряли?*

Всё-всё, сумки не было, только мешочки... Ну что ты можешь взять, [если] три семьи на один фургон! Там было ужасно, около Волги, – маленькие грудные дети, по дороге рожали, умирали...

– *Вас на Волге размещали в вагоны по семьям?*

По семьям... Ну, сказали – сколько в вагоны человек зашли, столько и зашли. Нас было много... Наверное, семей восемь или девять... У всех же детей помногу было. Куда нас везут – мы ничего не знали, только нам дали какие-то бумаги, записали, что дом, оценили мало-мало [имущество].

[Далее Мария Соломоновна с грустью сказала, что их семье после войны дали 8347 р. за имущество, оставленное на родине. Этих денег хватило только на покупку дивана и кресла. За 13 голов скота им дали 600 р., когда один килограмм масла стоил 500 р.].

– *Была ли у вас церковь в Филипповке?*

У нас в деревне церковь была хорошая, три захода было в церкви, двери со всех сторон. У нас пять улиц было в деревне... Ну, казенных домов не было – все свои. И скотину мы, две коровы держали. Даже 13 скотины мы сдавали, даже поросят они не писали, только большие свиньи, и всё вот. А зерно – мы даже и мука всякая оставили, пшено два центнера было, фляги с маслом постным было – всё было, вот! Всё остался! И даже ничего мы не могли взять. Собрали вот шмутки свои, и маленько детей одели, и всё!

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

А. А. Сычёва

Новосибирский государственный педагогический университет

**«ХОРОШО БЫЛО, ВЕСЕЛО!» ВОСПОМИНАНИЯ Г. П. ПОЧТАРЬ
О СЧАСТЛИВОЙ МОЛОДОСТИ**

Галина Петровна родилась в 1940 г. в Татарске Новосибирской обл., у нее было два брата и одна сестра. Она была очень красивой девушкой, веселой хохотушкой. С мужем, Почтарём Фёдором Егоровичем, она живет до сих пор, 20 марта 2009 г. они сыграли золотую свадьбу!

Поделиться воспоминаниями и сняться на камеру Галина Петровна охотно согласилась. Будучи по природе открытым и веселым человеком, со смехом рассказывала о своей прошлой жизни, точно помня некоторые детали, но иногда путаясь в повествовании. Рассказчик она интереснейший. Широко жестикулировала, перескакивала с одной темы на другую, но затем связывала всё в единую цепочку.

Сейчас Галина Петровна на пенсии. Она до сих пор остается веселой в общении, заботливой мамой и бабушкой. Фёдору Егоровичу с ней не соскучиться! Именно начало их совместной жизни Галина Петровна и решила вспомнить. Память о событиях молодости является дорогой для нее.

Я думаю, что эти воспоминания можно использовать при изучении истории повседневности, так как в них содержится детальное описание жизни молодежи 1950-х гг.: чем занимались молодые люди, как развлекались... Также эти воспоминания можно положить в основу художественного романа, если их детально обогатить.

Алина Сычёва

Детство у меня было... знаешь, вообще ничего не помню. Играли мы «в войну»: одна сторона ребятишек и другая сторона прячутся, как казаки-разбойники. Запрячусь так, а приду домой – вся мокрая, вся в снегу. Мне кажется, раньше снега больше было. Лазали по огороду по пояс в снегу, а сейчас как-то не так. Да и вообще, раньше как-то интереснее было. Как пацан была! Играли «в жёстку». Это такой как бы свинец, пинали его, как мяч. Набивали. Ходули были, высокие-высокие! Как вспомню, хулиган была! Качели были деревянные, крутились на них!

В Татарске у нас был большой котлован. Туда гулять ходили летом. А у меня мама строгая. Гоняла меня за чистоту. Попробуй плинтуса не помой, заставит перемывать. Ну, и всё сделаю, воды натаскаю, всё полью, а как на улицу, так: «Не ходи!». Сбегала, короче!

В шестнадцать лет уехала в училище в Новосибирск – в строительное. Он [муж, Ф. Е. Почтарь] каменщик, а я штукатур. В квартире у себя сами всё делали, и плитки клали. Пригодилось, короче.

Федя вперед меня закончил училище и уехал в Мильтюши¹ свои. А потом

(его мать рассказывала) сидит он, о чем-то задумался. Жениться собрался. А мать ему говорит: «Тебе же еще в армию», – стала ругать. А он сам не свой сидит. Мать посмотрела на него, посмотрела и сказала: «Ну, езжай за своей Галочкой». Это она мне потом рассказывала.

И приехал он, а я на квартире жила у дяди Васи и тети Маши, а они любили (бьет указательным пальцем по горлу. – А. С.) это дело. Две кровати стояло. Мы там с Тамарой Журковой спали в одной комнате. Я им там концерты такие устраивала! То пела, то еще что-нибудь!

А с дедом (своим мужем) мы познакомились на танцах. Устраивало наше училище 13-е. Ходили танцевать. А он высоко-о-кий такой был, какой-то неуклюжий! А я танцую, и мне он что-то не очень нравится, честно говоря. А потом стал провожать, и я стала привыкать к нему.

Потом с этой квартиры я ушла на другую, на [ул.] Горской. А Федя уже на стройке работал. И вот придет, а ночь-полночь, а он ко мне. Темно уже. На крылечке сядем и сидим с ним. А там кладбище недалеко было. Через кладбище идет, даже раза три ночевал там, на кладбище!

Ходил-ходил, а потом Федя уехал к брату двоюродному, Серёжкой его звали. А там Федя попал в какую-то передрагу. Судили их. А мой знал там что-то, а в компании не был. Короче, брата посадили, вызвали мать. Приехала свекровь, ей сказали, чтобы он уехал. Он ведь всё знал, но ничего милиции не сказал. Дали ему условно или просто предупредили. Не помню! И уехал он в деревню. А я осталась.

Потом лежу я. Темно-темно было. Наверное, в 12-м часу. Лежу, вижу сон. Голубое море, и я в нем купаюсь. До того запомнила! Хорошо мне! Потом подходит ко мне дядя Вася и будит. Я: «Что такое?». А я настолько уже заснула... Он говорит, что меня там кто-то спрашивает. Федя приехал!

Темно, а он в майке, в костюмчике. Я когда вышла, ничего не пойму. Говорю: «Батюшки, откуда ты?» А он: «Я приехал за тобой». А куда? Я же еще не закончила учиться! Это было... в марте. А он: «Я договорюсь».

Правда, сходил он в училище, с завучем поговорил. А она: «Ну, ладно. Потом придет, сдаст экзамены, и мы ей аттестат выдадим». Вот и всё.

В Новосибирске, в Кировском районе, мы зарегистрировались и поехали к нему в деревню [Мильтюши]. С его родителями я знакома еще не была. Приехали мы туда, я захожу, а домик небольшой. Захожу, и: «Здрасьте, мама!». Сразу назвала ее мамой, и всё. А потом в мае они устроили праздник, мой отец приезжал. Гуляли мы. Ничего у меня такого не было. Платье темное было с цветами, без фаты. Какая там фата? Жили мы вместе-то уже сколько? Март, апрель, май! Погуляли.

А в армию Федю осенью забрали, на флот на четыре года. На машине его

увезли, а я всё окошко проглядела, думала, что вернется. Осталась одна в деревне. А мы там больницу штукатурили, память хорошую оставили! И деньги по 1000 р. зарабатывали в то время. Пальто тогда купила себе с песцом! Сшили мне!

В деревне еще Федины братья младшие оставались: Паша, Лёня и Петя. Они тоже работали. А Паша большой был, он меня охранял, когда я на танцы ходила. Танцевали мы там с одной Сашей. Она говорила, что я стилияга! Это даже до свекрови дошло. А она мне говорит: «Галя, ты знаешь, говорят, чтобы ты там сильно не стилияла!». А мы же по-городскому приехали! А Паша ходил за мной, как телохранитель, чтобы я нигде и ничего!

А свекровь всем рассказывала, что я всегда всё чищу. Ребятишки же с грязными ногами приходят, а потом на постель. Я вымою всё тут. Она хвалила меня! А остальные снохи обижались.

А потом я пожила примерно с год, а потом подумала, что же я буду тут делать? Написала родителям в Татарск, а они сказали приезжать, и я уехала.

А Федя был минером. Он там что-то разминировал, и ему через девять месяцев дали на поывку. И тут-то я Юрой и забеременела. Федя обрадовался и сказал: «Это чтобы ты меня дождалась!». Юра родился, и Федя опять приехал. И мы поехали в Мильтюши опять, с ребенком маленьким. Там погостили и уехали в Татарск. А потом я его еще три года ждала!

У-у! Как тяжело было ждать! Молодая была, хочется погулять. Пошла один раз с Иринкой Шастаковой на танцы, а там к нам солдаты привязались! Мы пошли домой, а они за нами! Что делать, чтобы им свой дом не показать? А там на этой же улице жила моя двоюродная сестра. Мы туда с Иринкой забежали, калитку закрыли. А они стоят поодаль и никуда не уходят! Мы стояли-стояли, но идти-то надо. Иринка недалеко здесь жила, а мне туда дальше бежать! Наверное, метров 50!

В следующий раз пошли на танцы, встретили их. А они шутят: «Видели мы, где вы живете!». Кстати, танцевали мы под пластинки. Были и танго, и фокстрот, и вальс, – я его очень красиво танцевала! (А Федя танцевал нескладно. Не могу с ним танцевать! Сама по себе!)

Один раз пошла в кино, и какой-то там увязался за мной! Провожать меня собрался. Я ему говорю, что замужем, а он: «Где твой муж?». Я от него убежала. А я что хочу сказать? Очень тяжело ждать. Даже плакала дома, что годы молодые летят, а я сижу и жду.

Федя когда приехал, мы поехали в Бердск – его тетя Тося здесь жила. Он устроился мастером, а я, помню, захожу к тете Тосе, а у нее собака такая большая была! Она на меня рычит, а я боюсь в квартиру зайти. Медленно прошла мимо нее, села на диван, да так и не встала, пока тетя Тося не пришла с работы. А у тети сын

был, Коля, так Федя меня всё ревновал к нему! Но жили мы у них недолго. Я им помогала белить.

Мы потом переехали на улицу 8 марта, жили на квартире, а потом устроились на БЭМЗ². Кстати, я еще до этого официанткой работала! Когда приехали, невозможно же было найти работу, даже прописаться нельзя было. А у Феде родственник был – Иван Почтарь, гаишник, так его тут все боялись! Заместитель его «Почтарёнок» звал. Он нас и прописал, а то мы бы сюда вообще не попали. В 1965 г. мы квартиру получили, вот как! А в 1967 г. родился у нас Толян!

А еще, помню, 7-го [ноября] ходили на демонстрацию. Хорошо было, весело! Пляшем и танцуем!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мильтюши – возможно, Верх-Мильтюши – селение на территории современного Черепановского р-на Новосибирской обл.

² БЭМЗ – Бердский электромеханический завод.

*Научный руководитель, автор примечаний: д-р ист. наук, профессор
В. А. Зверев.*

О. А. Тарасенко

Новосибирский государственный педагогический университет

«БЫТУЕТ ТАКОЕ ПОВЕРЬЕ...». ПЕЧАЛЬНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ П. С. КОШЕУТОВОЙ

Я записала воспоминания моей бабушки Кошеутовой Полины Степановны (в девичестве Кириенко). Родилась она в 1932 г. в д. Верх-Мильтюши Черепановского р-на Новосибирской обл., сейчас проживает в Новосибирске, пенсионерка.

Бабушка Полина – отзывчивый, целеустремленный, эмоциональный, гостеприимный человек. Досуг проводит, читая книги (любит Пушкина и Есенина), смотрит развлекательные программы. В выходные дни готовит что-нибудь вкусное: испечет пирог, настряпает блинчиков, пирогов с картошкой. У бабушки

всегда полон дом гостей. Любит она пригласить подруг и устроить чаепитие в уютной домашней обстановке. Она говорит: «Пока все не съешь, домой не пойдешь». Думаю, что это связано с памятью о собственном голодном детстве.

Несмотря на материальные трудности, она воспитала своих детей, племянников (ее сестра рано умерла, и баба взяла на воспитание несовершеннолетних детей), а внучек и сейчас воспитывает. Это говорит о том, что у нее доброе сердце. Не каждая бабушка взялась бы воспитывать детей, иная просто отдала бы их в детский дом.

Бабушка охотно согласилась поделиться своими воспоминаниями. Она считает, что семейная память должна передаваться из поколения в поколение. Хочет, чтобы ее внуки и правнуки в дальнейшем, в пожилом возрасте, тоже писали такие воспоминания.

Воспоминания записаны мною почти дословно. Бабушка согласилась на их публикацию, сказала так: «Пусть печатают – жалко, что ли. Если надо, мы еще вспомним что-нибудь!» Я очень люблю свою бабушку и желаю ей здоровья и долгих лет жизни.

Оксана Тарасенко

Голодное детство в деревне

Бытует такое поверье: если человек первую половину своей жизни проживет плохо, то вторую половину – обязательно хорошо, счастливо. Но в моей жизни такого не случилось. У меня и первая половина жизни тяжелая, а вторая еще тяжелее.

Я родилась шестым ребенком в семье. Было нас девять человек: четыре брата, три сестры, отец да мать. Родители – Кириенко Степан Петрович, мать Кириенко Ирина Сафроновна – были батраками, затем работали в колхозе день и ночь. Оплаты за свой труд почти не получали. По силе возможности держали свое хозяйство. Налоги были ужасными. От коровы надо было отдать государству 500 л молока при жирности 4 %. В колхозе у нас была молоканка, куда мы носили это молоко. Если в молоке не было 4 % жирности, то надо было нести 600 литров. И поэтому почти всё молоко отдавали государству, мы его почти не видели. От курицы отдавали 500 яиц за лето. Так и отдавали все продукты государству. Поднимали советскую власть. Сами помирали с голоду.

Война забрала всё наше детство. Был страшный голод. Вся деревня жила очень бедно. Картошки в огороде не народило, а хлеба мы в глаза не видели. Опухали с голоду! Не знаю, как мы выжили! Как только сходил снег с земли, мы всей ребятней шли в лес и целый день питались в лесу. Ели всякую траву: саранки,

медунки, пучки, слезунки. Собирали колоски на выжженном жнивье. Они поджаренные на солнышке, мы их нашелушим и едим эту пшеничку. Это был наш хлеб. Домой такую пшеницу нести было нельзя – за горсточку пшеницы сажали в тюрьму.

В школу я почти не ходила: из-за войны голодовали мы, какое мне было ученье, да и не в чем было. Была у нас одна фуфайка на семерых человек и одна пара сапог на разную ногу. Так и жили, ходили в этой одежонке все по очереди. Может, кто из начальников жил хорошо, кому хлеб был доступнее, но вся наша деревня жила плохо – бедно, голодно. Избушки у нас были все одинаковые, да какие там избушки, одно название – так, землянки. Спали на соломе около печки, чтобы не замерзнуть. Ужасная была беднота!

На фронт из нашей семьи ушло четыре человека: отец и трое старших братьев. Израненные, но всё же живые, вернулись домой. Тяжело нам жилось без отца и братьев, вся тяжелая работа доставалась маме, мне и сестрам.

Закончила я школу в 17 лет, потому что в годы войны не ходили учиться. У меня была мечта: научиться шить. И эту мечту я осуществила в Новосибирске.

Жизнь в Новосибирске

В 1950 г. поехала я в Новосибирск. Поступила в швейный техникум. Уж очень хотелось мне научиться шить. После сдачи экзаменов мы с моей подругой поехали со студенческими листами домой в деревню. Директор школы очень был удивлен и обрадован, вертя в руках мой студенческий лист.

В то время из колхоза было не выбраться, но нам с подругой по нашим документам дали справку из колхоза. Мы получили паспорта и вернулись обратно в Новосибирск. Но учиться дальше в техникуме я не смогла, не было материальной возможности. И я пошла работать. Устроилась работать на жиркомбинат. Проработала я там до 1995 г., 45 лет день в день, и не жалею об этом. Ушла на пенсию. Имею две награды. Работала на разных должностях: и на руководящих (бригадир туалетных мыл), и простой рабочей.

И вот пошла моя жизнь по руслу. Вышла замуж, родила двоих детей: мальчика Виктора и девочку Ирину. С мужем мы познакомились летом 1954 г. Я шла с работы с ночной смены, а напротив проходной был гараж жиркомбината. На лавочке сидело двое мужчин – один пожилой, другой молодой. Пожилого я знала, он был другом моего брата – Григорий Алексеевич. Так вот, Григорий Алексеевич и говорит моему будущему мужу Роману: «Женись, Ромка, на этой девчонке, хорошая она, не пожалеешь!». Я в молодости была красивая – высокая, стройная, чернявая с голубыми глазами. Послушал он совета своего старшего

товарища и стал за мной наблюдать. Встречались мы два года, потом сыграли свадьбу. Я была активной комсомолкой, и поэтому свадьба у нас была комсомольской.

Прожили мы с ним 46 лет. Построили сами дом, не очень большой. Забрали родителей мужа к себе из деревни, они прожили с нами 22 года, пока не похоронили. Жили не богато и не бедно. Голодными не были: было, на что лечь спать и чем укрыться, крыша над головой. Держали двух свиней и семь кур. Осенью муж с товарищами заколют их (полные сенки мяса было), я нажарю свежей свинины, бутылку поставлю мужикам, они сидят, обмывают. Вот такой у нас был праздник. И я часто вспоминаю свою маму! Как же ей было тяжело, как не разорвалось ее сердце на куски, что семеро детей голодных сидят, и нечем их было накормить. Это же такая боль нечеловеческая, не свойственно ее вынести, а всё пережили.

Жизнь шла потихоньку. Подрастали дети, пошли учиться в школу. Учились хорошо. На родительское собрание ходила, как на праздник. Учителя детей хвалили и говорили, что моим детям прямая дорога в вуз. Но в вуз мои дети не попали, пошли работать, женились, завели свои семьи.

И вот моя жизнь перевернулась с ног на голову. Осиротели дети дочери. Оксане было тогда два года, а Марине десять лет. Пошла у меня черная полоса в жизни. Оформила я опеку и взялась растить и воспитывать внуков. Очень трудно приходилось, и возраст уже не тот. Когда муж был живой, было легче – как-никак, две пенсии, да пока я работала, он сидел с внуками дома. Муж умер 9 лет назад, осталась я одна с двумя внуками. Было тяжело. Да и здоровье сильно пошатнулось – отказали ноги, еле-еле передвигаюсь по дому на костылях. Несмотря на трудности, вырастила я внуков без вредных привычек. Старшая Марина работает, живет отдельно от нас, младшая Оксана учится в университете. Живем мы с ней вдвоем, живется нам с ней хорошо!

Весь мир поведала!

Когда мне было 45 лет, у меня пропал голос, я совсем не могла разговаривать. Обратилась в больницу, по всем врачам наш лор меня водил. В одной из клиник я у очередного врача спрашиваю: «Что Вы у меня ищите?». Врач говорит: «Ищем туберкулез горла! Но туберкулез горла не может быть без туберкулеза легких, а легкие у Вас чистые».

Ну, тогда было советское время – свои профсоюзы, свои завкомы. Можно было взять путевки куда угодно. И мне дали путевку в Ялту на Черное море. Это был конец мая – начало июня, я поехала в Ялту. Покупалась я в Черном море,

принимала хорошие ингаляции эвкалиптовые, и домой я приехала уже говорящей. Кроме лечения, были и экскурсии, я, конечно, на все экскурсии записывалась. Было очень познавательно и интересно! Запомнилась мне больше всего экскурсия в городе Севастополе. До сих пор остались в памяти диорамы, панорамы и памятник погибшим солдатам. Севастополь же был разрушен в годы войны почти полностью, нам показывали одно-единственное здание, которое уцелело. И ведь отстроили же новый город, да еще какой красивый!

Потом мне дали путевку в Геленджик. В Геленджике мне запомнился бюст Ленина, выложенный из камня на горе. И в какую бы сторону ни пошел, Ленин как бы смотрит на тебя. Нам рассказывали, что этот бюст якобы сделал один заключенный, и его за это освободили. Насколько это правда, не знаю. Ездили еще в Новороссийск, на родину шампанского и вина.

Также по туристической путевке я ездила в Киев, всего за 30 р. туда и обратно. Каждый день ходила на экскурсии, а то и по два раза в день. Киев, конечно, город чистый, красивый. Мы были в начале мая, там уже вовсю на клумбах цвели тюльпаны. Спускались в Печерские Лавы (правильно: пещеры Киево-Печерской лавры. – *О. Т.*). Нас, сибиряков, что удивило: изобилие всевозможных продуктов в магазинах. Это и колбасы разных сортов, и живая рыба на твой вкус, и тушенка, и сгущенка – ну чего там только не было. У нас в Сибири это редко где увидишь. А какая там посуда – глаз не оторвать. Я как зашла в магазин с посудой – не знала, на что мне смотреть, что купить: глаза разбегаются. Я домой привезла 36 бокалов, каждый бокал сам по себе хорош.

Была в Ленинабаде. Моя подруга уехала туда жить и все писала письма, звала в гости. Вот я с детьми и поехала. Купались в Сыр-Дарье, загорали. Увидели, как растет хлопок. В Ташкент приехали утром, пошли на базар. Такого я нигде не видела: каких фруктов там только не было, всё такое вкусное – не знаешь, что брать. Я очень люблю вишневое варенье, пошла за вишней. Смотрю, женщина вишню продает – 5 р. одно пятилитровое ведро. Я ей говорю: «Что так дешево продаешь? Поезжай к нам, у нас вишня 5 р. за килограмм». Она спрашивает: «А где это у вас?». Я отвечаю: «В Сибири, в Новосибирске». Она: «Ой! Там так холодно». Я: «Ну, сейчас не холодно, сейчас там лето». Она мне и говорит: «Нам никогда там не побывать, может, дети наши в армию пойдут и попадут в Сибирь».

И я вот сейчас думаю: как же жизнь-то переменялась, сколько же «иностранцев» в нашу страну понаехало. Может, и женщина эта где-нибудь у нас на рынке вишней да разными фруктами торгует.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

О. Г. Трампольцева

Новосибирский государственный педагогический университет

«ЖИВУ ОДНИМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ». ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА М. С. МАЛОВОЙ

Я приглашаю читателей в мир человека, для которого любовь превратилась в трагедию. Выношу на ваш суд исповедь женщины, прожившей трудную жизнь. На ее пути было много испытаний, но она смогла вынести всё и не растеряла силы духа и разума. Таков удел сильных женщин. Сильная женщина – это моя бабушка.

Малова Мария Семеновна родилась в 1930 г. в пос. Колывань нынешней Новосибирской обл. Точного дня своего рождения бабушка не знает. Ее мама рассказывала, что она родила ночью в Крещенские морозы. Весь поселок отмечал праздник, и было совсем не до нее. Только значительно позже ребенку поставили дату рождения – 23 января.

Проработав всю жизнь на почте, бабушка оставила добрый след в душах людей. В трудовой книжке у нее одни отметки о награждениях, много почетных грамот. Сейчас ей 78 лет, но она не утратила своей активности. Живет в частном доме в с. Мочище. Бабушка топит печь, ходит в магазин, варит, стирает, убирается и не клянет судьбу, а радуется каждому дню.

Наша беседа проходила в очень дружеской обстановке. Я приехала к ней в гости и весь день мы разговаривали. Бабушка напекла беляшей, и за чашкой чая мы начали беседу. Было безумно интересно ее слушать, я как будто сама окунулась в ту жизнь, в те нелегкие времена. Узнала много нового, интересного.

Бабушка поразила меня своей открытостью и яркой памятью. Про свое детство рассказывала без остановок, вспоминала смешные моменты и хохотала. Про военные годы решила написать сама: сказала, что ей тяжело об этом вспоминать. Она помнит все до мельчайших подробностей, но ведь это было так давно... Особенно меня поразила жизнь моего деда. Дедушка отслужил Родине 7 лет, но погиб в мирное время. Это был добрый и любящий жизнь человек, который трагически погиб. А я бы так хотела увидеть его... Но, увы, судьба распорядилась иначе.

Я рада, что мне выпала такая возможность пообщаться и еще больше полюбить свою бабушку. Порой мы забываем, что рядом с нами родные люди, которым надо

дарить как можно больше тепла души. Ведь они так ждут, чтобы с ними просто поговорили, пошутили, да просто попили чайку. Ведь жизнь такая короткая, и старые люди считают каждый прожитый день подарком судьбы.

Спасибо преподавателю, который дал нам такую интересную тему для размышлений. Я обогатила свою душу и порадовала бабушку.

Оксана Трампольцева

Детские годы

Родилась я 23 января 1930 г. в Колывани. Отец до революции батрачил, а мама была крестьянка. После революции отец работал в колхозе, а с 1931 г. – в отделении связи до ухода на пенсию. У нас был свой дом в Колывани. По тем временам – хороший, с подвалом, в котором можно было жить. Были большой огород, свой колодец. Хозяйство – корова, свиньи. Этим и жили.

Семья была дружная. Детей нас было шестеро: четыре сестры и два брата. У нас в семье нет неграмотных. Две сестры работали главными бухгалтерами, одна – товаровед, а я пошла по отцовской линии, всю жизнь на почте. Один брат – шофер, второй получил высшее образование, работает до сих пор начальником цеха в г. Волжском.

В военные годы я училась в школе в Колывани. Жизнь была очень и очень трудной. Бумаги, чернил, ручек, книг не было, и зимы были очень холодные, а ни обуви, ни одеть нечего. Пальтишки-зипунишки застегнем ремнем потуже, валенки на босу ногу – и в школу. На улице в лютый мороз изучали военное дело: строем ходили, противогазы надевали. Учились стрелять, даже винтовку нам давали подержать. Сумки были сшиты у кого из штанов, у кого из кофт. Холод в школе был жуткий. Для того, чтобы хоть чем-то топить печку в школе, нас вывозили рубить тальник.

Помню всех своих учителей. Алексей Андреевич Терebin пришел преподавать нам немецкий язык с войны, его комиссовали после ранения и контузии (он был на войне разведчиком). Мы часто срывали уроки, задавали нелепые и глупые вопросы. А он простодушно на всё отвечал и рассказывал про войну. Целый урок мог показывать нам свои часы немецкие. А на следующий день все начиналось сначала. Гавриил Никифорович преподавал физику и математику. Мы все списывали друг у друга, а он всё видел и молчал, а потом вызывал и объяснял. Время было страшное, тяжелое, но мы все были какие-то дружные, радостные. Я с удовольствием ходила в школу и хорошо училась.

Придешь из школы – голодно, холодно. Идешь с мамой собирать колоски, а Галя – старшая – с маленькими нянчится. Насобираем колосков, придем, кашу наварим и лепешек напечем, всех накормим. Мама, бывало, картошку варит и муки туда

добавляет, чтобы сытнее было. Из овса кисель варили. Наверное, и выжили потому, что овощи ели – лук, чеснок, картошку, капусту, брюкву, редьку.

Поешь лепешек, попьешь воды из колодца и ложишься на печку. Зимой на печке спали, а летом на полу. Залазишь на печку, лежишь и мечтаешь, как кончится война и все будет хорошо, все будут сытые, счастливые. Играли в куклы: в магазине продавали резиновые головы, а туловище мы с Галушкой пришивали сами. Так и играли, как придумаем.

Папа у нас работал всю жизнь один, денег ни на что не хватало. Иногда он приносил нам с полочки леденцы, конфеты «Дунькина радость», и это было настоящее счастье. На войну папу не взяли, потому что у него была бронь: он разговаривал по телефону, и трубку пронзила молния, он почти оглох. Папа до пенсии проработал заместителем начальника линейного узла связи почти глухим. Мужиков-то почти не было, всех на фронт забрали. Нашей семье повезло, что был работник.

История семейных отношений

Закончив 8 классов, я поехала в Новосибирск учиться дальше. Родители очень хотели, чтобы мы получили образование и были грамотными людьми. В Новосибирске мы с подружкой снимали квартиру. Поступила в медицинское училище, отучилась там год и сбежала – не понравилось. Как только практику стали отрабатывать, стали в морг ездить, там нам всё показывали, вот я и бросила училище. Потом шла мимо почтамта, увидела объявление о приеме на курсы телеграфисток-морзисток и с радостью пошла учиться.

Отучилась, работала на Центральном телеграфе, но жить на квартире было тяжело, денег не хватало, и уехала опять в Колывань. Там я устроилась по специальности и стала работать телеграфисткой-морзисткой. Именно здесь я и познакомилась со своим будущим мужем Александром Маловым, он работал монтером радио.

Родился он в 1926 г. На фронт его взяли, когда ему еще не было 18 лет. Их учили на сержантов в Омске, после месяца обучения повезли в телятниках на фронт в Венгрию (это был уже 1944 г.). Условия были ужасные, кормили плохо: утром сухарь, в обед два сухаря, водой дадут запить, и всё. Из Омска их было 127 человек, после первого же боя осталось только двое.

На войне его ранила разрывная пуля: попала в автомат и перебила руку. Он чудом остался жить. Саша рассказывал: «Сам не знаю, как выжил. Дают приказ лежать – и лежали пять суток в промозглой ледяной земле». Так он отморозил палец на ноге. Пока он лежал в госпитале, война на западе закончилась, немцы капитулировали.

После этого их послали на восток. Япония все время хотели открыть второй фронт. Наши солдаты перешли степь и горы Хинганы. Японцы не ожидали, что кто-нибудь перейдет эту степь, это могли только русские солдаты. После наши войска ввели в Китай, в том числе и Сашу. До 1950 г. он был в Китае. Не суждено ему было погибнуть на войне. Он имел девять или десять медалей, две из них – за героизм.

Мы с ним после войны и встретились. Очень долго дружили, могли весь вечер просидеть на лавочке. Саша меня очень любил, всегда приходил на работу, а в руках цветы (пока идет на работу, нарвет ромашек или других полевых цветов). Только я почему-то не нравилась его родителям.

Пожились, когда ему было 32 года, а мне – 28. Была небольшая свадьба, если можно так сказать. Какое было платьишко, то и надела, ведь денег не было совсем. На свадьбе были мои родители, Сашины родители и гостей человек 15 (сестры, братья, друзья). Сашины друзья играли на гармонии, все танцевали, пели песни. Кто бы знал, как мы были счастливы! Сначала мы пожили у Сашиных родителей, но так как я не нравилась его родителям, мы в скором времени ушли на съемную квартиру.

Позже Саше, моему мужу, дали от работы дом – купеческий дом. По тем временам, это было чудо. Какой он был красивый, залюбуешься! Стоял в центре Колывани. Весь фасад и фронтоны, наличники были ручной работы. Кругом резьба необыкновенной красоты. В доме были огромные окна, высокие потолки. Как нам рассказывали, в нем жил купец, который выделывал кожи и продавал в Москву. На крыше была большая голубятня, и наши ребятишки нашли там небольшую кружечку хрустальную, инкрустированную камнем, необыкновенной красоты. Но она не сохранилась – ребятишки игрались и разбили. Может, на чердаке и было что-то спрятано, да никто не искал. А в подвале дома были фюзеляжи, крылья и другие детали от самолетов, потому что раньше этот дом отдавали ДОСААФ. Теперь этот дом снесли. Очень плохо, была бы память, история...

Так вот, в этом доме нам было дано прожить несколько лет счастья. За эти годы я родила троих детей. Саша детей очень любил, я не встречала больше в жизни человека, так любившего своих детей. И всегда говорил, что нет счастливей его на свете. Но слишком мало было отмерено ему и мне этого счастья.

Сашка всегда все делал сам, он был очень работающий. Не мог усидеть без дела. В 1966 г. ему исполнилось 40 лет, а на следующий день его вызвали на работу. Случилась авария, и его убило током на столбе. Вот и всё: я думала, жизнь на этом закончилась. Зачем жить? Ведь я рожала детей для нас двоих. А теперь что? (Бабушка заплакала. – *О. Т.*)

Воспоминания о любимых детях

Меня спасли мои же дети, со своим неумным характером, фантазиями, жизнелюбием. Они любили жизнь и радовались мне, когда я приходила с работы. Все время спрашивали, когда папа вернется с работы. Старший сын Гена (ему тогда 10 лет было) не мог поверить, что папку больше не увидит. Он Наташе и Вите сказал: «Будут чужого дядьку завтра хоронить. Вы не верьте, что это наш папка. Завтра мы спрячемся в сарайке и будем там сидеть, пока дядьку чужого не похоронят». Когда Сашу стали на улицу выносить, нужно было прощаться, я смотрю – а детей нигде нет. Мы стали звать их, я пошла искать, кое-как вытащили из сарая – не хотели дети выходить. Всё кричали, что ты обманываешь, это не наш папка. Страшно все это вспоминать, как начинаю вспоминать, так сердце сразу болеть начинает.

Страшный удар был нанесен судьбой по Наташе. Ей было 7 лет, когда умер отец. В страшный день похорон я оставила ее со своей сестрой, а Аня пошла вещи относить в морг и зачем-то взяла с собой Наташу. Сказала ей, чтоб она не заходила, подождала ее. А Наташа долго тетю ждала и зашла туда, чтобы позвать. Увидела там своего папу – черного, обгоревшего. После этого она целый год не могла учиться, долго не разговаривала.

Через два дня после похорон я повела ее в школу в 1-й класс. Все дети в школу нарядные пошли, а Наташе не в чем было, так в старом платьишке и пошла. Она совсем ничего не видела перед собой. Когда учитель спрашивал, что на доске написано, она говорила, что там папка ее. Мне даже некогда было с детьми заниматься. Я не знала, как дальше жить, как я без Саши смогу детей растить.

Детишки помогали мне во всем. Хозяйство, огород – всё это было на них. Ведь я работала целый день, нужно было на что жить. Прихожу с работы – всё прибрано, скотина накормлена, огород полит. Скотины в то время у нас много было: корова, телок, свиньи.

Все трое моих детишек умными были. Я гордилась ими. Старший Гена был вообще разносторонне талантлив, учился на одни пятерки. Жалко только, что он был слаб характером. Витька был весельчак и балагур. В нем было столько жизнелюбия и энергии. Наташа росла доброй и послушной девочкой. Дети были моя надежда и опора.

Через три года после смерти мужа я встретила с женщиной... (Наверное, меня никто не поймет. Но мне нужно было как-то жить дальше. В то время было очень тяжело растить детей одной. Конечно, мне помогали все понемножку, спасибо им огромное.) Сейчас, спустя годы, я все перебираю в памяти и думаю,

права ли я была тогда, выбрав Михаила в мужа, не слишком ли много заплатила за эту «любовь». Но выбор тогда был сделан. Мне казалось, что нам станет легче жить с ребятишками.

Мы уехали в д. Черемшанку, и, наверное, я сделала большую ошибку, оставив свой дом в Колывани. А в Черемшанке мы пришлось не ко двору. Хозяйство, заведенное там, не велось. Телок постоянно кружился и падал, потом умер. Собака днем и ночью выла. Дети боялись оставаться в этом доме одни. Как будто предвещало все это беду скорую.

Весной, когда была посевная, убили моего сына Витю. Просто! Нечаянно! Мальчишка такого же возраста выстрелили «играючи» в Витю. И убил. Сразу же умер, даже до больницы не успели довести. Мальчишки всей гурьбой прибежали к нам (мы с Наташей пирожки с ливером жарили) и стали кричать: «Тётъ Маш, Витьку застрелили!» Я как была босиком, так и побежала. Прибежав вместе с Наташей, увидела, что уже поздно, положила голову Вити на колени к себе и стала кричать.

Я думала, после смерти мужа ко мне не придут больше напасти. Оказалось, это совсем не так. Начался отсчет кругов ада на этой земле. Жизнь преподнесла мне страшный урок. Я все время спрашивала у Бога – за что? Сначала похоронила мужа, а теперь схоронила сына. Ведь ему было всего 13 лет, он пожить совсем не успел. Сразу же я переехала в Колывань к своему отцу, похоронила там Витю.

А потом мы переехали во Вьюны Колыванского р-на. Там купили дом, и через год я родила Ольгу, еще одну дочь. Я родила Олю в 40 лет, роды были очень тяжелыми. Я кое-как выкарабкалась.

Начался этап новой жизни – такой страшной и трагичной, что и рассказывать не хочется... Но ведь это тоже жизнь, и ее не вычеркнешь. Мой гражданский муж Михаил оказался очень жестоким человеком. Он просто стал издеваться надо мной и моими детьми. Идти нам было некуда, и жить не на что. Жили – одному Богу известно как!

Вспоминать те годы тяжело и больно (бабушка плачет. – *О. Т.*), но было и много радостных дней, опять же благодаря детям. Наташа всегда нянчилась с маленькой Олей. Воспоминания сохранились и хорошие, там жили хорошие люди, сельчане, которые помогали друг другу и в горе, и в радости. Было много раз, когда соседи приютили моих детей. Михаил приходил пьяный домой и выгонял их на мороз ночью. Я пыталась его остановить, но удары получала сразу же. Наташа с Геней бежали, раздетые, в мороз по сугробам через огороды к соседям. Я не знала, что мне делать, как быть: и свою жизнь гублю, а самое главное, детей.

Я сейчас смотрю на иных ребятишек и поражаюсь их невоспитанности,

вседозволенности. Мне и воспитывать своих было особенно некогда, всё шло своим чередом – работа, хозяйство. Они у меня были патриоты, я гордилась ими. Когда горела школа, напротив нашего дома, все мои ребятишки первыми бросились в пекло и вытаскивали школьное имущество. Тащили в дом раненых бездомных собак, кошек и делили с ними каждый кусочек хлеба. Зимой ребята играли в войну, строили пещеры, но это были хорошие игры, они воспитывали себя сами – были храбрыми, смелыми, справедливыми, никогда не обижали младших, себя в обиду тоже не давали. У них была своя школа выживания. Мне никогда не стыдно было за своих детей. Это была моя гордость.

После пяти лет жизни во Вьюнах моему гражданскому мужу дали квартиру – частный дом в с. Мочище, куда мы и переехали, где и сейчас я живу. Гена стал работать начальником почтово-багажного вагона, женился, у него родилось двое детей. Мальчик и девочка, Саша и Наташа. Однажды (это был 1989 г.) он уехал в очередную поездку по маршруту Новосибирск – Чита, и уже не вернулся. А привезли его через семь дней в большой «посылке» из Читы. Он умер в возрасте 33 лет в кардиологическом центре Читы от воспаления легких: произошла остановка сердца. Сердце у него было слабым. А мог ведь остаться жить, если бы не этот «патриотизм», как я это называю. Ведь скорая приезжала на станцию в Уфе, в Иркутске, но он не соглашался на госпитализацию. Просто потому, что был очень ответственным и добросовестным работником. Как парни потом рассказывали, всё говорил: «Ну, на кого я это оставляю – столько документов, ценных писем, бандеролей».

Вот так я похоронила второго своего сына в 33 года. Очень мне было тяжело, ни в каких словах и речах не опишешь и не передашь материнское горе. Похоронить двух сыновей и остаться жить самой! Но надо жить для того, чтобы жить. Хочется сказать всем людям: будьте терпимее друг к другу, учитесь ценить и понимать, любить и прощать. Ведь всё в жизни скоротечно, а мы всё куда-то бежим, забывая сказать кому-то доброе слово. Иногда вспоминаем с теплом о человеке, когда его уже нет.

Вот так и я, простая русская женщина, живу теперь одними воспоминаниями, о том, как прожила эту жизнь. Мысленно разговариваю со своим первым мужем, с сыновьями, и часто задумываюсь над своим предназначением в жизни. Никогда не теряйте силы духа, выстаивайте в любой ситуации, какой бы тяжелой она ни была.

Мне в январе 2009 г. исполнится 79 лет, буду ждать в гости своих дочек и внушек. Хочу, чтоб все они были счастливы и не забывали меня.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.

А. В. Франк

Новосибирский государственный педагогический университет

«ЖИЗНЬ СВОИМ ЧЕРЕДОМ». ВОСПОМИНАНИЯ А. К. ГЛУЩЕНКО О ДЕРЕВЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Моей бабушке Глущенко Александре Константиновне 84 года. Проживает она в райцентре Краснозерское Новосибирской обл. Вот уже почти 25 лет – пенсионерка. Бабушка живет одна: один ее сын – в Ямало-Ненецком автономном окр., другой – в Новосибирске, а дочь (моя мама) живет хоть и в Краснозерском, но отдельно, с мужем, моим отцом. Мама часто навещает бабушку, сыновья приезжают летом во время отпусков. Когда я на каникулах, часто бываю у бабушки, так что без присмотра она не остается. Бабушка очень любит читать книги. Даже сейчас, несмотря на плохое зрение, каждый день прочитывает по несколько страниц.

Когда мы получили задание записать воспоминания своих пожилых родственников, я позвонил бабушке в Краснозерское: она единственная осталась в живых из моих бабушек и дедушек. Это было в декабре 2009 г., но приехать удалось только в январе 2010-го после сдачи сессии. Бабушка показала тетрадь, в которой исписала всего три листа. Естественно, этого было мало. Тогда я, используя функцию «Диктофон» своего мобильного телефона, взял интервью у бабушки, задавая ей вопросы, чтобы легче было вспоминать.

Работа продвигалась медленно, так как у бабушки серьезные проблемы со здоровьем, и необходимо было время для отдыха. К тому же объем карты памяти мобильного невелик, и приходилось прерывать работу, чтобы переписывать сведения в тетрадь. Записанную ранее часть интервью приходилось удалять и записывать уже новую. Способ работы неудачный, но найти профессиональный диктофон в Краснозерском не удалось. Таким вот образом мы старались с бабушкой две недели. В результате собранной информации оказалось больше, но не настолько, чтобы составить полное описание жизни бабушки. Часть рассказов о своей личной жизни она просила не публиковать, о чем я дал клятвенное обещание.

Записанный текст содержит много белых пятен, некоторые из которых, скорее всего, никогда не удастся заполнить, но кое-что можно попытаться раскрыть, привлекая архивные материалы. Например, я обязан выяснить, на каком из фронтов Первой мировой войны воевал мой прадед, имел ли награды за боевые

заслуги, в каком именно плену он находился (у австрийцев или немцев), как ему удалось бежать. Можно постараться выяснить и обстоятельства участия моего деда П. А. Глущенко в Великой Отечественной войне. Он тоже участвовал в боях, был в плену у немцев, тоже сумел бежать.

Бабушка не смогла пролить свет на эти сюжеты в силу своей неосведомленности и преклонного возраста. Она говорила мне, что ее отец не любил вспоминать такие моменты, а муж вообще не говорил с ней на военную тему.

Артём Франк

Я родилась 25 марта 1925 г. в с. Луговое Краснозерского р-на. Помимо меня, у моих родителей было уже шестеро детей: Мария (самая старшая), Евдокия, Иван (умер до моего рождения), Михаил (родился в 1914 г., а убит на войне в 1941-м), Мария (которой было на момент моего рождения 4 года), Иван, родившийся в 1923 г. Василий. Константин и Петр родились уже после меня.

Отец мой, Писяч Константин Петрович, 1888 г. рождения, до 1930 г. вел собственное домашнее хозяйство, которое состояло из двух лошадей, двух коров, трех телят, одного поросенка, нескольких десятков курей и гусей, приблизительно 15 овец. Из инвентаря были плуг, сеялки, бороны, бричка (телега для перевозки сена и зерна), косы, серпы и другие предметы. В 1927 г. произошел пожар, который уничтожил все постройки и запасы на нашем дворе. Именно это спасло нас от раскулачивания, потому что нашего соседа Андриющенко, который жил на порядок хуже нас и которого отнесли к разряду кулаков, сослали в Нарым.

Мы стали считаться середняками и в 1930 г. вступили в колхоз. Отцу предложили должность счетовода и отделенщика по перегонке молока (отец считался самым грамотным в поселке, так как имел три класса образования). На этой должности он проработал до 1955 г., а затем вышел на пенсию, но пенсию стали выплачивать с 1961 г., с момента организации совхоза. Пенсия составляла 30 р. Умер он в 1972 г.

Мама, Писяч Анна Григорьевна (в девичестве Видюк), родилась в 1888 г. на Украине в Полтавской губернии, как и мой отец. В 1898 г. они, не будучи еще знакомы друг с другом, вместе со своими семьями переехали в Сибирь, в с. Мохнатый Лог. Мама не имела образования и помогала родителям по хозяйству. В 1909 г. мои родители поженились. Мама была домохозяйкой, а по вступлении в колхоз стала работать дояркой и на других работах: на сенокосе, постройке хозяйственных сооружений и др. Проработала она в колхозе до 1948 г. В 1969 г. она умерла.

Наш дом в Луговом состоял из двух комнат, кухни и комнаты. На кухне были русская печь, стол, скамейки. Посуда была глиняная, чашки – железные, ложки – деревянные, стаканы из стекла. Еду готовили в чугунах. На окнах висели занавески. Стены, образа и портреты были увешаны рушниками, расшитыми цветами. В комнате и кухне стояли иконы. Спали на деревянных настилах. Имелись гусиные перины, подушки были набиты гусиным и куриным пухом, укрывались люди одеялами из холста.

Для стирки варили мыло, также стирались и мылись щелоком. Щелок делали из древесной золы. Потом открылся магазин. В нем продавали мыло, соль и сахар.

Лечили нас бабки-знахарки. Давали пить травы, читали молитвы, вправляли кости.

С 6 лет я пошла в школу, но так как нас набралось всего два человека в класс, то учить нас не стали. В 8 лет я снова пошла в школу в 1-й класс. Школа была деревянной, в ней было три помещения: кухня, коридор и непосредственно класс. В школе училось два класса: старший (дети 10–11 лет) и младший – с 8 лет. Учитель был один: сначала Полина Алексеевна, потом Мария Федоровна, а в третьем классе стал преподавать мужчина. С 1 по 4 класс я училась в своем поселке Луговом, начиная с 5 класса – в с. Петропавловке. С 6 по 7 класс включительно училась в с. Мохнатый Лог, а в 8-м и начале 9-го – снова в Петропавловке.

С первого же класса на летних каникулах мы работали в колхозе: пололи картофель, пшеницу – пололи голыми руками. Месили навоз в деревянных станках, потом его сушили и складывали в кучи, а зимой топили им печь в доме, на ферме, в колхозной конторе. Разбрасывали по полю навоз или перегной для удобрения. И так каждое лето. Когда стали взрослее, работали на сенокосе, сгребали копны, а затем из них складывали стожки.

Еще когда вступали в колхоз, случился неурожай. Кушать было нечего, приходилось стряпать лепешки из лебеды, ели разную траву, чай доставали с трудом, а еще запаривали травы с ягодой. А когда колхоз поднялся, стали давать пшеницу – завели пасеку, и мед давали на трудодни. Давали просо, а уже из него делали пшено, толкли его в ступках. Мяса не давали, но потом разрешили держать корову, курей, овец, одну свинью. Со свиньи брали налог: когда ее зарежешь, необходимо было сдать шкуру. Шкуры забирали также с овец и крупного рогатого скота.

Когда я училась в Петропавловке, то жила на квартире у дальних родственников, в семье Фоменко. На выходные ходила домой в Луговое за 15 км за продуктами, которых набирала на неделю. Ходила осенью, зимой и весной – когда одна, а когда с подружками.

В Мохнаторе Логу я жила у родственников, Ивана и Варвары Забейворота. Варвара Григорьевна была родной сестрой моей матери. Домой теперь было немного ближе, около 12 км. В школе Мохнаторского Лога я изучала алгебру, геометрию, черчение, русский язык, литературу, ботанику, историю, географию. С 8 класса я снова начала учиться в школе Петропавловки. В нашем классе был 41 учащийся.

Как-то зимой в субботу я рано утром пошла из Петропавловки в Луговое. По пути зашла к родственникам в Мохнатый Лог. Пока была у них, началась метель. Я отправилась дальше в надежде, что метель утихнет. Но не тут-то было. Метель усиливалась, видимость была небольшая, я старалась идти по дороге, чтобы не сбиться с пути, и таким образом дошла до дома, где жила бригада рабочих. Этот дом стоял в 3 км от Лугового.

К этому времени уже было темно, заходить в дом я не стала и пошла дальше. Но до поселка так и не добралась – заблудилась. Сбилась с дороги и зашла на поля, где стояли стога сена, но потом и их не стало. Продолжала идти, не зная куда, пока вдруг не наткнулась на знакомую березку, которая стояла в километре от села. От этой-то березки и пошла прямо в сторону села. Когда шла, а когда и ползла, так как вся одежда на мне обледенела, валенки были полны снега, и идти становилось всё труднее.

Вдруг я наткнулась на крайнюю избушку-пластанку, в которой жила моя двоюродная сестра. Она меня впустила, сняла всю промокшую одежду, загнала на печь, чтобы я отогревалась, так как у меня было сильное переохлаждение. Дала горячей еды, чая, потом дала сухую теплую одежду. И тогда я пошла уже дальше к себе домой. Дошла быстро и дома уже переночевала, а на следующее утро с продуктами снова пошла в Петропавловку. Так я училась до второй четверти 9 класса.

Школу пришлось бросить, так как началась война, и я пошла на работу в колхоз. Сначала возила сено на ферму, а потом стала выполнять и другие работы.

В 1942 г. меня отправили учиться на тракториста в Краснозерскую машинно-тракторную станцию. Проучившись две недели, сдала экзамен на положительную оценку. Мне дали трактор, который после ремонта никак не хотел заводиться. Всё лето пыталась его отремонтировать сама. За это время выучила устройство двигателя наизусть, но причину поломки не нашли ни я, ни механики: плавилась подшипники. Зимой я все-таки отремонтировала трактор и весной выехала на посевную.

Так и стала работать на тракторе. Когда еще трактор был в ремонте, мне рукояткой перебило руку (я пыталась его завести), был закрытый перелом. В Кулёме

была женщина-костоправ, которая смогла залечить мне руку. На тракторе я пахала, сеяла, боронила, вывозила комбайны на поля, молотилки. Проработала на тракторе до 1946 г., затем меня заменили, и стала работать учетчиком.

В 1947 г. я поехала в районную Краснозерскую школу учиться на счетовода. Училась шесть месяцев, хорошо сдала экзамен и начала работать счетоводом в колхозе.

В 1948 г. вышла замуж за Глущенко Павла Артёмовича в с. Мохнатый Лог. Стали жить у его матери Ирины. С первого же дня он начала пить, и так продолжалось изо дня в день. Родила пятерых детей: Любовь умерла в возрасте 11 месяцев, так как испугалась пьяного отца, Валентина родилась в 1951 г., Иван – в 1952-м, Григорий – в 1954-м, Виктор – в 1955 г.

В 1955 г. из-за невыносимого обращения мужа я ушла вместе с детьми от него жить обратно в Луговое, где купила избушку за 500 р. и стала жить в ней с детьми. Но Павел Артёмович и там не давал спокойно жить, постоянно приходил пьяным, требовал, чтобы я взяла его обратно. Подговаривал других жителей села с тем, чтобы они на меня повлияли, часто требовал денег на выпивку. Так продолжалось до 1974 г., пока мой сын Иван не забрал меня жить в Краснозерское. Павел Артёмович так и умер от пьянки в 1979 г. в Луговом. Люди говорили, что он зашел на свадьбу, где сильно выпил и, не дойдя до дома, упал мертвым.

По приезду в рабочий поселок Краснозерское первое время я жила с сыном Иваном в однокомнатной квартире. Я устроилась работать в рабочком совхоза «Сибирь» бухгалтером. Затем мне дали трехкомнатную квартиру (31 декабря 1975 г.), в которой живу по сей день. В рабочкоме проработала до 1986 г., а после этого еще трудилась на многих работах. И еще 5 лет работала в бане совхоза «Сибирь».

В 2002 г. я окончательно перестала работать и стала заниматься домашними делами: вязать следы, носки, варежки внукам, а затем и правнукам, своим детям. Готовить еду внукам, живущим рядом со мной. Готовить настойку, которую мы пьем с внуком-студентом, когда он приезжает на каникулы. У меня есть небольшой приусадебный участок, выращиваю разные овощи, делаю заготовки на зиму.

В общем, жизнь идет своим чередом.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. А. Зверев.
